

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Ильин Иван Юрьевич

Философия и вера в религиозной метафизике С. Н. Булгакова

Специальность

5.7.2 — История философии

Резюме диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

Жукова Ольга Анатольевна

Москва

2022

Содержание

Введение	3
Актуальность исследования.....	16
Объект, предмет, цель и задачи исследования.....	27
Степень разработанности темы исследования	29
Научная новизна исследования	37
Основные положения, выносимые на защиту.....	39
Методологическая основа исследования.....	40
Структура исследования.....	41
Теоретическая и практическая значимость исследования.....	42
Основное содержание диссертации	43
Заключение	54
Апробация результатов исследования	58

Введение

«Ныне дни славы Сергея Булгакова!» — писал французский специалист по русской эмигрантской мысли XX века Антуан Аржаковский в 2009 году, отмечая всевозрастающее внимание к Булгакову в западных академических кругах¹. Спустя более чем десятилетие после этого заявления можно констатировать, что «дни славы» Булгакова не только не прошли, но, наоборот, приобрели ещё больший масштаб — как за границей, так и на родине мыслителя. В формальном отношении это подтверждается не только обилием выходящей академической литературы², но и сопутствующей

¹ «These are the glory days of Sergii Bulgakov!». *Arjakovsky A. Commentary // Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word / eds. A. Pabst, C. Schneider. Farnham / Burlington: Ashgate, 2009. P. 86.*

² Так, только на русском языке в 2020–2021 гг. вышло три значимых сборника и перевод фундаментальной монографии: (1) Сергей Николаевич Булгаков. (Философия России первой половины XX века). М.: РОССПЭН, 2020; (2) *Булгаков С., прот.* Чаша Грааля. Софиология страдания / ред., сост. архим. Савва (Мажуко). М.: Никея, 2021; (3) *Евтухова Е.* Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920). СПб: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021; (4) С. Н. Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся внешнюю значительность этого «корпуса», необходимо учитывать контекст, который во многом отражает ситуативность издания книг «вокруг Булгакова» в России: три книги были изданы в рамках более крупных издательских проектов или серий; четвёртая составлена булгаковедом-энтузиастом. Сыграл роль и большой юбилей Булгакова (150-летие со дня рождения), праздновавшийся в 2021 г. Пока что не приходится говорить (насколько мне известно) ни об издании полного собрания сочинений, ни даже о систематическом переиздании ключевых трудов или о формировании запроса на такое переиздание (так, трилогия «О Богочеловечестве» в новейшей России издавалась один раз в середине 2000-х гг. и уже давно стала библиографической редкостью).

Обновляющийся список исследований на других языках (начиная с 2000 г.) см. на сайте исследовательского центра С. Н. Булгакова при Университете Фрибура: <https://www.unifr.ch/sergij-bulgakov/de/forschung/forschungsliteratur/> (дата обращения: 14.02.2022). Также избранные библиографии работ о Булгакове см.: Сергей Николаевич Булгаков. (Философия России первой половины XX века). М.: РОССПЭН, 2020. С. 578–619; *Bulgakov S.* Bibliographie. Werke, Briefwechsel und Übersetzungen. Münster: Aschendorff, 2017. P. 131–135. Отдельно лишь хочу отметить, что в вышедшем в 2020 г. «The Oxford Handbook of Russian Religious Thought», помимо двух персональных глав (чего кроме него удостоился только Бердяев), Булгакову уделено значительное (а где-то — ключевое) внимание ещё в 9 (!) главах из 40 (см. глл. 13, 14, 16, 19, 20, 25, 27, 28, 31, 38, 39).

работой исследовательских центров и групп³, занимающихся Булгаковым, и результатами этой работы — многочисленными переводами трудов мыслителя на другие языки⁴, конференциями⁵ и диссертациями⁶.

При этом творческое наследие русского экономиста–философа–богослова не только становится предметом анализа в рамках историко-философских или историко-богословских штудий, но зачастую играет важную опорную и методологическую роль в актуальных теоретических

³ О них см.: *Евтухова Е.* Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920). СПб: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. С. 12–16; *Бауэрова К.* София и софиология сегодня // Сергей Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 832–840.

⁴ На английском языке в 2000–2010-х гг. вышли все значимые произведения Булгакова, а в последнее время очередь дошла и до гораздо менее известных текстов. Только за период 2019–22 гг. были изданы «Апокалипсис Иоанна», «Трагедия философии», «Софиология смерти» (сборник отдельных статей), «Евхаристическая Жертва» и «Дневник духовный». К выходу готовится сборник «филокатолических» статей Булгакова 1921–1923 гг. В упомянутом центре Фрибургского университета с 2014 г. издаётся полное собрание сочинений на немецком языке (на данный момент вышло 6 томов). См. об этом: *Zwahlen R. M.* Eine Flaschenpost für das 21. Jahrhundert? Zum 150. Geburtstag von Vater Sergij Bulgakov // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 196–220; *Цыганков А. С.* Булгаков в Швейцарии: современные исследования философии Сергея Булгакова в Фрибурге // Вестник РХГА. 2015. Вып. 16. № 4. С. 315–332.

⁵ Большим событием стала международная конференция «Building the House of Wisdom», прошедшая в 2021 г. во Фрибуре. Можно также упомянуть конференцию 2014 г. в Сан-Серже «Père Serge Boulgakov, un père de l'Église moderne» и конференцию «Unfading Light: Conference on creativity and prayer in 20th Century Russian Orthodoxy» 2019 г. в Оксфордском университете. Доклады парижской конференции были опубликованы в «Le Messenger Orthodoxe» № 158 (2015). В России ряд значимых конференций, приуроченных к юбилею, имел место в 2021–2022 гг. Среди них: (1) «Философское и богословское наследие С. Н. Булгакова в современном мире», ИФ РАН совместно с ФФ МГУ, ПСТГУ и ДРЗ; (2) «Красота — София — Церковь», СФИ; (3) «Сад расходящихся троп-2021», РГГУ совместно с музейным объединением «Музеи наукограда Королёв».

⁶ За период 2019–2021 гг. были защищены, например, следующие диссертации: (1) *Van Kessel J.* Sophiology and Modern Society. Sergei Bulgakov's Conceptualization of an Alternative Modern Society. PhD diss. Nijmegen: Radboud University, 2020; (2) *De la Noval R.* The Theological Condemnations of Fr. Sergius Bulgakov: Sophiology in Suspension. PhD diss. Notre Dame, IN: University of Notre Dame, 2020; (3) *Vasilyev T.* Christian angelology in pseudo-Dionysius and Sergius Bulgakov. PhD diss. Oxford: University of Oxford, 2019. В январе 2021 г. фрибургским центром был организован международный онлайн-семинар для аспирантов, пишущих диссертации по Булгакову, где автор данного исследования был в числе участников. Программа онлайн-семинара доступна по ссылке: [https://www.unifr.ch/sergij-bulgakov/de/assets/public/files/Forschung/2020%20Tagung%20FR/Program%20Online-Seminar%20January_2021_new .pdf](https://www.unifr.ch/sergij-bulgakov/de/assets/public/files/Forschung/2020%20Tagung%20FR/Program%20Online-Seminar%20January_2021_new.pdf) (дата обращения: 14.02.2022).

исследованиях. Анализируя отечественное академическое поле⁷, можно, во-первых, назвать имя С. С. Хоружего, развивавшего свой оригинальный проект синергийной антропологии в том числе в сильном взаимодействии (как позитивном, так и критическом) с метафизикой всеединства и софиологией. При экономическом факультете МГУ им. Ломоносова много лет существует «Лаборатория философии хозяйства» под руководством Ю. М. Осипова, пытающаяся применить идеи булгаковской «Философии хозяйства» к анализу экономической сферы⁸.

В западном академическом пространстве актуальное обращение к Булгакову преимущественно происходит, конечно, в области богословия⁹. Так, Аристотель Папаниколау, опираясь на политико-теологические идеи Соловьёва и Булгакова, разрабатывает проект православной политической теологии, который бы был совместим с либеральной демократией¹⁰.

⁷ О церковной рецепции Булгакова в России см.: *Сизоненко Д., прот.* Борьба за истину и рецепция наследия Булгакова в России // Вестник РХД. 2015. № 203. С. 37–44.

⁸ Подробнее об их деятельности см.: <https://www.econ.msu.ru/departments/lfh/> (дата обращения: 25.04.2022). «Философия хозяйства» в 1928 г. была переведена на японский язык и, как отмечает А. П. Козырев, сумела «заинтересовать в 1930-е годы японцев, ищущих “третий путь” между капитализмом и коммунизмом». *Козырев А. П.* От редактора // Сергей Николаевич Булгаков (Философия России первой половины XX века). М.: РОССПЭН, 2020. С. 6.

⁹ О рецепции Булгакова на Западе в современном (преимущественно католическом и протестантском) богословии см.: *May R.* Between God and the world: a critical appraisal of the sophiology of Sergius Bulgakov // *Scottish Journal of Theology.* № 74. P. 67–84; *Жак Л.* Актуальность богословия С. Булгакова в диалоге с Западом // Православное богословие и Запад в XX веке. История и встречи / науч. ред. А. И. Кырлежев. М.: Христианская Россия, 2006. С. 119–146; *Аржаковский А.* Софиология о. Сергия Булгакова и современное западное богословие // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003. С. 127–139; *Seiling J. R.* Assessments of the Recent Russian Sophiological Tradition // *Landshaft.* 2008. № 2. P. 1–17; *Бауэрова К.* София и софиология сегодня // Сергей Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 838–846. Более общую сравнительную перспективу «отталкиваний и притяжений» русской религиозной мысли и западного богословия см.: *Valliere P.* The Influence of Russian Religious Thought on Western Theology in the Twentieth Century // *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought.* Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. P. 660–676.

¹⁰ *Папаниколау А.* Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия. М.: Медленные книги, ДУХ I ЛІТЕРА, 2021. Интересно, что Папаниколау

Заслуживает упоминания попытка использовать религиозную метафизику Булгакова и Флоренского, интерпретируемую в терминах социальной справедливости, применительно к дискуссии об однополых браках, сотрясавшей недавно американское общество¹¹. Селия Дин-Драммонд, работающая на стыке богословия и эволюционной биологии, обращается к софиологии Булгакова как к одному из главных ресурсов в построении новой версии христианской космологии, которая учитывала бы последние достижения естественных наук¹². Чрезвычайно активно обращаются к софиологии Булгакова и так называемые контекстуальные теологии — например, феминистская¹³, эко-¹⁴ и теология освобождения¹⁵.

позиционирует свою книгу как полемическую относительно теолого-политического проекта «радикального ортодокса» Джона Милбанка (отсюда название книги), который является одним из главных почитателей Булгакова в западной академии, о чём будет сказано далее. На этот счёт см. также важную диссертацию: *Wood N. K. Deifying Democracy: Liberalism and the Politics of Theosis*. PhD diss. New York: Fordham University, 2017. Обзор аргументов сторон и критику дискуссии с позиции использования ими идей Булгакова см.: *Wood J. R. Neither Radical nor Liberal: The Ecclesial Humanism of Sergei Bulgakov* // *Logos: A Journal of Eastern Christian Studies*. 2019. Vol. 60. № 1–4. P. 9–41.

¹¹ *Siewers A. K. Traditional Christian Marriage as an Expression of Social Justice: Identity and Society in the Writings of Florensky and Bulgakov* // *Journal of Markets & Morality*. 2013. Vol. 16. № 2. P. 569–586.

¹² *Deane-Drummond C. Creation through Wisdom: Theology and the New Biology*. London: Bloomsbury, 2003. Некоторая ирония заключается здесь в том, что сам Булгаков был враждебно настроен по отношению к эволюционной теории (и «нео-дарвинистам») в отличие от многих западных богословов, испытавших влияние П. Тейяра де Шардена.

¹³ *Meehan B. Wisdom/Sophia, Russian Identity and Western Feminist Theology* // *Cross Currents*. 1996. Vol. 46. № 2. P. 149–168; *Livick-Moses S. The Kenotic Iconicity of Sergii Bulgakov's Divine-Humanity: A Feminist Retrieval* (paper presented at the conference «Building the House of Wisdom», manuscript) (видеозаписи докладов этой конференции доступны по ссылке: <https://www.unifr.ch/sergij-bulgakov/de/forschung/konferenzen/bulgakov-conference-2021/> (дата обращения: 25.04.2022)).

¹⁴ *Foltz B. V. The Noetics of Nature. Environmental Philosophy and the Holy Beauty of the Visible*. New York: Fordham University Press, 2014. P. 88–112; *Holmes A. A Proposal for Bulgakovian Ecology* (paper presented at the conference «Building the House of Wisdom», manuscript); *Buitendag J., Simut C. Emerging Religious Consciousness — A Cosmotheandric Understanding of Reality in the Light of Sophiology of Some Russian Theologians towards an Eco-Theology* // *Religions*. 2022. Vol. 13. № 4. 296. URL: <https://doi.org/10.3390/rel13040296> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁵ *McGeoch G. Ships in the theological night? Sergius Bulgakov and Latin American Liberation Theology* (paper presented at the conference «Building the House of Wisdom», manuscript).

Но наиболее значимым для нашего исследования выступает «поворот к Булгакову» того интеллектуального направления, основную интенцию которого можно было бы условно охарактеризовать как «борьба за возвращение классической христианской метафизики». Осуществляющие данную задачу теологи и религиозные философы — такие как Джон Милбанк (основатель «Радикальной ортодоксии») и Дэвид Бенгли Харт (ведущая фигура в современной теозстетике)¹⁶ — опираются на Булгакова в своих построениях и дают ему крайне комплиментарные оценки, называя софиологическую линию Соловьёва — Флоренского — Булгакова «самым значительным богословием двух предшествующих столетий» и «новым богословским горизонтом»¹⁷, а самого Булгакова — единственным современным «поистине искусным православным метафизиком»¹⁸.

О влиянии Булгакова на триадологию классика «теологии освобождения» Леонардо Боффа см.: *Аксенов-Меерсон М., прот.* Созерцанием Троицы Святой... Парадигма любви в русской философии троичности. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2007. С. 54–58, 288–289.

¹⁶ В русскоязычном пространстве это О. Б. Давыдов, а также другие персоналии фонда «Теозстетика» и близкие к нему (фонду) люди. См.: *Давыдов О. Б.* Откровение Любви. Тринитарная истина бытия. М.: ББИ, 2020; *Idem.* Сияние формы. Этюды о красоте, благе и истине. М.: ББИ, 2021.

¹⁷ *Milbank J.* Sophiology and Theurgy: The New Theological Horizon // *Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word* / eds. A. Pabst, C. Schneider. Farnham / Burlington: Ashgate, 2009. P. 45. См. также: *Idem.* Foreword. From Grammar to Wisdom // *Bulgakov S.* The Tragedy of Philosophy (Philosophy and Dogma). Angelico Press, 2020. P. ix–xxxiii; *Милбанк Д.* Интервью «Христианство возродится только в том случае, если будет стараться все заново переосмыслить по-христиански» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2013. № 3 (31). С. 285–290. Более подробное раскрытие перспективы, намеченной Милбанком, см.: *Martin M.* The Submerged Reality: Sophiology and the Turn to a Poetic Metaphysics. Kettering, OH: Angelico Press, 2015. См. также: *Riches A.* Eleusa: Secularism, Post-Secularism, and Russian Sophiology // *Beyond Modernity: Russian Religious Philosophy and Post-Secularism.* Eugene, OR: Pickwick Publications, 2016. P. 59–85.

¹⁸ *Hart D. B.* Orthodox Theology and the Inevitability of Metaphysics // *Theology and Philosophy in Eastern Orthodoxy: Essays on Orthodox Christianity and Contemporary Thought.* Eugene, OR: Pickwick Publications, 2019. P. 95–96. См. также: *Idem.* Martin and Gallaher on Bulgakov // *Hart D. B.* Theological Territories: A David Bentley Hart Digest. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2020. P. 55–64; *Idem.* Foreword // *Bulgakov S.* The Sophiology of Death: Essays on Eschatology: Personal, Political, Universal. Eugene, OR: Cascade Books, 2021. P. ix–xii; См. также интервью Д. Б. Харта фонду «Теозстетика»: <http://web.archive.org/web/20210802084055/https://theoaesthetics.ru/djevid-bentli-hart-bogoslov-jeto-tihij-buntar.html> (дата обращения: 25.06.2022).

Из историко-философской перспективы означенные взгляды дополняет книга немецкого исследователя Михаэля Френча, переведённая Н. К. Бонецкой¹⁹, в которой выдвигается тезис о том, что «становление идеи свободы в европейской философии, по мнению ее автора, как к некоей вершине, привело к русской софиологии»²⁰. Френч выделяет в истории европейской метафизической мысли две магистральные линии — линию метафизики сущности, идущей от Платона и Аристотеля, и постепенно сменяющую её линию метафизики свободы, зародившуюся в номинализме и достигшую кульминации в сочинениях Ф. Ницше, — и, считая необходимым их сущностное примирение, находит пример подобного гармоничного соединения в русской софиологии.

Такое повышенное внимание современных религиозных метафизиков к русской софиологической традиции и к Булгакову, в частности, основано среди прочего на убеждении, что в рамках данной линии мысли стало возможным восстановление утраченного в новоевропейской философии единства духа и мысли, веры и разума, богословия и философии. Эта утрата, как принято считать сегодня, происходит в европейской мысли в эпоху номиналистического поворота в ранней схоластике, вследствие череды сомнительных теологических решений²¹ жёстко закрепившей различие естественного (*natura*) и сверхъестественного (*gratia*), что в свою очередь приводит к появлению автономной философии, с одной стороны, и

¹⁹ Френч М. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Н. К. Бонецкой. СПб: Росток, 2015. Френч, однако, склонен ставить В. Соловьёва выше двух его младших последователей.

²⁰ Бонецкая Н. К. К истокам софиологии // Френч М. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Н. К. Бонецкой. СПб: Росток, 2015. С. 15.

²¹ Например, учение об унивокации бытия Д. Скота, приоритизация воли над интеллектом у Оккама, различие естественных и сверхъестественных целей человека у Суареса и т. д. Классическое раскрытие этого взгляда см.: Милбанк Д. Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума. М.: Теозстетика, 2021; Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017; Pickstock С. After Writing: On the Liturgical Consummation of Philosophy. Oxford: Blackwell, 1998.

рационалистического естественного богословия, игнорирующего данные личного религиозного опыта, с другой²².

Впоследствии для рационального мышления о религии (будь то автономная секулярная философия или естественное богословие), классические выражения которого характерны для эпохи Просвещения, становится естественным основываться на двух базовых законах классической рациональности — законе достаточного основания и законе тождества — которые применяются к мышлению *вне зависимости от того, идёт ли речь об имманентной или о трансцендентной реальности*²³: речь о Боге и бытии (постепенно становящемся на место Бога) начинает вестись *унивокально*. Однако будучи подвергнутыми критике Кантом и Хайдеггером²⁴ (а также Ницше), эти законы претерпевают деабсолютизацию в постмодерном и постметафизическом мышлении XX века; религиозный рационализм в конечном итоге всё более оборачивается религиозным агностицизмом. Более того, как показывает Квентин Мейясу, критика метафизики провоцирует появление иных, фидеистических форм религиозности, делая мир ещё более религиозным (и даже религиозно-фанатичным): «конец метафизики в поисках основания своих притязаний на абсолют принял форму возвращения к крайней религиозности»²⁵.

²² Майкл Мартин использует интересный термин «богословие левого полушария» (left-brain theology). См.: *Martin M. The Submerged Reality: Sophiology and the Turn to a Poetic Metaphysics*. Kettering, OH: Angelico Press, 2015. *Passim*.

²³ См.: *Schneider C. Faith and Reason in Russian Religious Thought: Sergei Bulgakov, Pavel Florensky and the contemporary debate about ontotheology and fideism // Analogia*. 2020. № 8. P. 131–142.

²⁴ *Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994; Хайдеггер М. Онто-тео-логическое строение метафизики // Хайдеггер М. Тождество и различие. М.: Логос, 1997. С. 29–59.*

²⁵ *Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург, М.: Кабинетный учёный, 2015. С. 62 слл. См.: Schneider C. Faith and Reason in Russian Religious Thought: Sergei Bulgakov, Pavel Florensky and the contemporary debate about ontotheology and fideism // Analogia*. 2020. № 8. P. 131–142. Впрочем, о возвращении веры в условиях конца метафизики пишут многие. См., н-р: *Ваттимо Дж. После христианства. М.: Три квадрата, 2007. С. 10.*

Состояние деабсолютизированной рациональности, изнутри открывающейся навстречу религиозному, побуждает теоретиков и философов обращаться в поисках методологических инструментов к самым разнообразным ресурсам — в том числе к тем, которые во времена «прогресса разума» считались отмирающими и / или обскурантистскими²⁶. В этих условиях софиологически ориентированная религиозная метафизика Булгакова, ставшая в том числе попыткой примирения личного опыта веры и постулатов секулярной рациональности, рассматривается исследователями в качестве «новой метафизики» (М. Френч), способной представить жизнеспособную альтернативную стратегию в ряду постнеклассических философских течений. Новой же она является потому, что, основываясь в своём «негативном» аспекте на критике крайних форм религиозного трансцендентизма и имманентизма²⁷, бурно расцветших в религиозно-философской мысли в конце XIX — начале XX веков, религиозная метафизика Булгакова является попыткой *via media* — пролегающего между крайними дискурсивными стратегиями третьего пути в мышлении о религии, на котором стало бы возможно обосновать единство мира и его неразрывную связь с Богом-Творцом, не компрометируя в то же время абсолютную сущностную трансцендентность Последнего.

²⁶ Подробнее об этом см.: Clouser R. A. *The Myth of Religious Neutrality: An Essay on the Hidden Roles of Religious Belief in Theories* [Revised edition]. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2005.

²⁷ Термин «имманентизм» может пониматься в двух смыслах — узком и широком. В узком он означает определённое направление немецкой философии XIX века (В. Шуппе, Р. Шуберт-Зольдерн, М. Кауфман, И. Ремке и др.). В широком он означает рационалистический, «присваивающий», объективирующий способ мышления о Божественном. Булгаков употребляет термин как в узком, так и в широком смысле (при этом иногда комментаторы, н-р, В. В. Сапов в «Свете Невечернем», приписывают имманентизм в узком смысле пассажиам, где Булгаков явно имел в виду широкий смысл (Булгаков С. Н. *Свет Невечерний. Созерцания и умозрения* / Подг. текста и комм. В. В. Сапова, предисл. К. М. Долгова. М.: Республика, 1994. С. 366, прим. 9). В данном исследовании «имманентизм» используется только в широком смысле зонтичного термина, как и выступающая его синонимом «онтотеология».

Выразить новаторский характер этой метафизики можно, на мой взгляд, через понятие *метаксологичности*, которая мне кажется неотъемлемой чертой мышления Булгакова. *Μεταξύ*²⁸ — это термин, который Булгаков заимствует у Платона («Пир») и применяет для характеристики Софии как субстантивированной границы между Богом миром. Метаксологичность означает мышление в терминах удерживания двух реальностей, трансцендентной и имманентной, с субстантивацией некоей третьей, «пограничной» медиаторной реальности, которая не снимает их в диалектическом синтезе, но относится к обоим полюсам, являясь одновременно и их связью, и различием²⁹. Речь, таким образом, идёт о правильном понимании медиации и срединном пути, которым оно способно привести к подлинному восприятию и мышлению о трансцендентном, открывающемся в имманентном. Вообще метаксологичность, на мой взгляд, должна быть присуща любому христианскому философу, учитывая, что два главных догмата христианства — Троица и Боговоплощение — выражаются в «пограничных» понятиях «триединство» и «богочеловек».

²⁸ От др. греч. «между», «в средостении». Булгаков употребляет это слово применительно к Софии в «Свете Невечернем» (*Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения.* М.: Республика, 1994. С. 186). В современной философии «положение-между» (the between) как философское понятие ассоциируется с Уильямом Десмондом (William Desmond), который, также как и упомянутые Д. Милбанк и Д. Б. Харт, относится к защитникам классической христианской метафизики. См. его фундаментальную трилогию: «Being and The Between», «Ethics and The Between» и «God and The Between». В последнее время в булгаковских исследованиях всё чаще сопоставляют софиологию и метаксологию Десмонда. Относительно развёрнутое сравнение софиологического и метаксологического проектов см.: *Van Kessel J. Transcendence in Metaxology and Sophiology // William Desmond's Philosophy between Metaphysics, Religion, Ethics, and Aesthetics.* New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 243–256. Отмечу, что Десмонд позиционирует свою метаксологию как промежуточную философскую позицию «между Соловьёвым и Шестовым». Это также, как будет показано в диссертации, в значительной степени может быть отнесено и к Булгакову. См. *Desmond W. God Beyond the Whole: Between Solov'ëv and Shestov // Desmond W. Is There Sabbath for Thought? Between Religion and Philosophy.* New York: Fordham University Press, 2005. P. 167–199.

²⁹ Ввиду тенденции к удержанию обоих полюсов она отличается от диалектики, а ввиду субстантивированного *tertium*'а она отличается от антиномичности.

Метаксологической природой обладает и само софиологическое творчество Булгакова, ускользающее от однозначной тематизации по рубрикам философии или богословия, что уже давно было подмечено ведущими специалистами-булгаковедами. Так, А. П. Козырев, ставя вопрос «софиология — теологема или философема?», приходит к выводу, что софиология — суть предприятие на двух путях, а *tertium*’ом между философией и богословием может стать поэтический, насыщенный метафорами текст³⁰. Об этом же говорит Барбара Халленслебен: «София — богословское и философское понятие, которое напоминает нам об этой тайне [непостижимости Бога — И. И.]»³¹. А. И. Резниченко заключает о «тринитарной философии» Булгакова, что та «основана на обнаружении или, точнее, конструировании, метафизического пространства на границе двух дискурсов: богословского [...] и философского»³² и приходит к выводу, что «всякий раз, когда мы пытаемся редуцировать мысль Булгакова до чего-то одного, мы неизбежно попадаем в противоречие»³³. В свою очередь, нечувствительность к этой «пограничности» мысли Булгакова зачастую

³⁰ Козырев А. П. Софиология о. Сергия Булгакова: «философема» или «теологема»? // Сергей Николаевич Булгаков (Философия России первой половины XX века). М.: РОССПЭН, 2020. С. 321. Софию как теологему–философему–мифологему рассматривает Н. А. Ваганова (Ваганова Н. А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М.: ПСТГУ, 2011). У Джона Милбанка есть коррелирующие с козыревскими размышления о том, что воображение является «третьим» для разума и веры, а философия и теология должны дополняться литературой. См.: *Milbank J. Faith, Reason, and Imagination* // *Milbank J. The Future of Love: Essays in Political Theology*. Eugene, OR: Cascade Books, 2009. P. 316–335.

³¹ Халленслебен Б. Кто субъект истории? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 130–133. Халленслебен заключает (с. 133): «Ни “Мировой дух” (Гегель), ни “бытие” (Хайдеггер), ни природа (естественные науки), ни история (Гадамер), ни язык — ничто из этого ряда, взятое в отдельности, не может быть названо субъектом истории. Но во всех этих субъектах София присутствует как свободный союз между Богом и человечеством и показывает свою творческую энергию. И мы приглашены участвовать в этой творческой работе».

³² Резниченко А. И. Предисловие // Булгаков С. Н. Труды о Троичности. (Исследования по истории русской мысли. Т. 6). М.: ОГИ, 2001. С. 15.

³³ Резниченко А. И. «Все временное есть сплав из ничто и вечности»: еще раз о тринитарной онтологии проф. прот. Сергия Булгакова (к 150-летию со дня рождения) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 14.

приводила его критиков к односторонним в своей противоположности выводам, когда философы критикуют Булгакова за догматическую скованность, а богословы — за свободомыслие³⁴.

В более обыденном смысле эта черта булгаковского мышления означает также избегание крайностей. Именно к крайностям мышления Булгаков был всегда критичен, уже в ранней метафизике давая им определения в терминах различных христианских ересей (напомним, что первоначально *αἵρεσις* означало «выбор» или «школа / направление»): отсюда «современное арианство» в «Тихих думах», «арианское монофизитство» и «хлыстовство западного типа» в «Свете Невечернем», «монистический модализм» в «Трагедии философии» и т. д. Возвращаясь к введённому выше образу срединного пути, следует обозначить, как этот путь должен пролегать.

Богословски, метаксологическое мышление Булгакова — это попытка «миновать Сциллу пантеизма с опасностью погружения мира в океан Божества, и Харибду отвлеченного космизма, в которой бытие мира утрачивает свою связанность с Божеством»³⁵. *Онтологически*, это опять же попытка избежать «Сциллы отпадения в “деперсонализированную”

³⁴ Можно было бы привести много примеров, начиная с известной характеристики софиологии как «капризного богословия» о. А. Шмеманом. Ограничусь двумя современными оценками (первая — из философского лагеря, вторая — из богословского): (1) «...все рациональные рассуждения в “Свете Невечернем” приобретают своеобразную “необязательность”: там, где Булгакову нужно обосновать свою нетрадиционную интерпретацию догматов, он использует разум, но как только его рассуждения подходят к опасной черте, за которой может возникнуть противоречие между выводами философской интерпретации и каноном, он объявляет об “антиномии” и предлагает принять ее как должное. Понятно, что с помощью такого метода можно осуществить любые, сколь угодно произвольные построения, при этом априорно лишая критику какой-либо почвы» (*Евламиев И. И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта, СПб.: РХГА, 2020. С. 860); (2) «Определяющей для его богословского подхода является свобода его мысли, не знавшая предела [...] Он был больше философом, чем богословом, и [...] его “софиология”, как система, противоречит его богословским интуициям» (*Ван Россум Й.* Взаимодействие богословия и философии в православном богословии: свт. Григорий Палама и прот. Сергей Булгаков // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. М.: ПСТГУ, 2013. С. 124).

³⁵ *Булгаков С., прот.* Невеста Агнца. Париж.: YMCA-Press, 1945. С. 41.

субстанциальную онтологию и Харибды “десубстанциализированного” персонализма»³⁶. *Философски*, это также позиция, проходящая между идеализмом и материализмом³⁷. *Эпистемологически*, это попытка избежать как религиозного рационализма и онтоотеологии, «вписывающих» Бога, понимаемого как *causa sui*, в бытие, так и фидеизма à la Л. Шестов, утверждающего полную несовместимость веры и разума³⁸.

Всё вышеизложенное подводит нас к сути данного исследовательского проекта. Основной интуицией, определяющей замысел диссертации, является **гипотеза** о том, что в основании булгаковской метафизики, обладающей описанным метаксологическим характером, *лежит особое понимание соотношения веры и разума* — соотношения, которое по Булгакову не должно в конечном итоге мыслиться в терминах абсолютизированной бинарной оппозиции, закрепившейся в новоевропейской философии. Такое недialeктическое понимание, тесно связанное с внимательным отношением Булгакова к другой оппозиции, трансцендентного / имманентного³⁹, и с последовательным отстаиванием им действительной трансцендентности Бога, позволяет Булгакову, как будет показано в ходе исследования, показать *неабсолютный характер* означенной бинарной оппозиции и мыслить веру и разум не как непримиримые (фидеизм) или же сливающиеся (религиозный рационализм) реальности, но как взаимозависимые и взаимодополняющие

³⁶ *Френч*. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Н. К. Бонецкой. СПб: Росток, 2015. С. 198.

³⁷ *Lingua G.* Kenosis di Dio e santità della materia: La Sofiologia di Sergej N. Bulgakov. Napoli: ESI, 2000. P. 191: «В булгаковском перепрочтении православная традиция не признает западного различия между духом и материей и предубеждения, что природа гетерогенна духовному измерению».

³⁸ *Schneider C.* Faith and Reason in Russian Religious Thought: Sergei Bulgakov, Pavel Florensky and the contemporary debate about ontotheology and fideism // *Analogia*. 2020. № 8. P. 136–139.

³⁹ Полезную историографию становления этой бинарной оппозиции и её использования в философии религии см.: *Zachhuber J.* Transcendence and Immanence // *The Edinburgh Critical History of Nineteenth-Century Christian Theology* / ed. D. Whistler. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 164–181.

феномены, которые в конечном счёте имеют единое начало и объединены общей целью. Их различие, которое, надо признать, часто проводится Булгаковым как противопоставление, в конечном итоге *носит технический, а не сущностный характер*, и будет снято в эсхатологической перспективе.

Но как обеспечивается это взаимодополнение и эта взаимозависимость? Подробному ответу на этот вопрос будет посвящена основная историко-философская часть исследования, но схематически можно обозначить следующее. Дискурсивный разум должен быть занят познанием эмпирически данной реальности и её феноменов; при этом очевидно, что это познание может вестись лишь до определённых пределов. Подойдя к ним, разум должен признать свою неабсолютность и совершить тем самым аскетический акт самоограничения, давая возможность вере дополнить его открытия. Вера также до определённого предела направляет сознание в его познании, движимом желанием трансцендентного, дополняя данные опыта «новым опытом, расширением и преобразованием опыта, предполагая, конечно, что наше космическое естество узнает особым, совершенно неопределимым и ни к чему не сводимым чувством область иного мира»⁴⁰. Иной мир — т. е., по сути, мир сущностей, универсалий, трансценденталий или же, выражаясь языком самого Булгакова, Первообраз, — как подчёркивает философ, для нас трансцендентен лишь эпистемологически, но не онтологически. Но при приближении разума к действительной сущностной инаковости наступает момент, когда и вера должна совершить акт самоограничения, т. е. перейти из активнодействующего состояния в рецептивное. Это рецептивное состояние, вершающее активный путь «восхождения», открывает возможность откровению трансцендентного, встрече с ним.

Лишь при таком двойном кенотическом акте самоограничения возможно подлинное познание предельной реальности, поскольку только так

⁴⁰ Булгаков С. Н. Свет Невечерний. М.: Республика, 1994. С. 23.

Бог не только теоретически мыслится в своем инобытии — как присутствующий в разуме, но может обнаружиться в некоем *unio mystica*, таким каков Он есть в Своем собственном глубочайшем существе⁴¹. При этом на пути к этому мистическому союзу с Богом сознание углубляется и в познании мира, получая доступ уже не к уровню отдельных феноменов, но к *идеальному миру*, миру под знаком Софии.

На теоретическом уровне описанное взаимодействие высвечивается через самоопределение философии и религии в соотношении друг с другом как со «своим Другим». Философия, по Булгакову, оказывается сущностно неотделимой от религии, поскольку обладает теми же основаниями — в частности, речь идёт об укоренённости сознания в Абсолюте. Религия же не может обойтись без философии, поскольку её мистическое и религиозное содержание нуждается в рациональной интерпретации.

Используя образ М. Френча, можно, таким образом, сказать, что в своём метасологическом проекте Булгаков попытался в некотором роде восстановить разрушенный номинализмом «средневековый собор познания» (*mittelalterliche Erkenntniskathedrale*) — метафору «архитектуры» целостного человеческого познания, объединяющую познание чувственного и трансцендентного (*Sensus — Ratio — Intellectus — Deus*)⁴².

Актуальность исследования

Новаторский характер религиозной метафизики Булгакова и её востребованность в современном академическом дискурсе очевидны, но чем эта востребованность может быть объяснена? В чём заключается актуальность — по мнению некоторых, неизбывная⁴³ — сложного,

⁴¹ Френч М. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. СПб: Росток, 2015. С. 223.

⁴² *Ibid.* С. 201 слл.

⁴³ Порус В. Н. Неизбывная актуальность предостережений С. Н. Булгакова // Русское богословие в европейском контексте: С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль / под ред. В. Н. Поруса. М.: ББИ, 2006. С. 9–27.

противоречивого и во многом до сих пор, к сожалению, эзотерического для сегодняшнего дня творчества Булгакова, а также составляющих заметную его часть размышлений о природе религиозной веры и опыта, рациональности, знания и философии?

На мой взгляд, обращение к религиозной метафизике Булгакова в означенных локусах может оказаться полезным и актуальным в нескольких плоскостях. **Во-первых**, оно может способствовать *актуальной философской рефлексии относительно своей собственной природы*. Здесь я позволю себе опереться на размышления В. Н. Поруса, который в недавней публикации уже рассуждал в этом направлении с опорой на Булгакова⁴⁴. Анализируя булгаковскую «трагедию философии» Порус пишет:

Призыв слить воедино философию и богословие не нашел поддержки в большинстве трендов современной философии. Сам концепт «трагедия философии» воспринимается как избыточный пафос или симптом невроза. Философия не желает осознавать какой бы то ни было трагизм своего существования, в постмодернистских ее трендах метафизические искания подлежат ироническому пренебрежению. В то же время культурный статус философии становится все более проблематичным. Поэтому обсуждение булгаковского концепта остается актуальным⁴⁵.

«Культурный статус философии» или, иначе говоря, общественный консенсус касательно её роли сегодня действительно претерпевает тектонические сдвиги. Наука сегодня прагматична, утилитарна и практико-

⁴⁴ Порус В. Н. Возвращаясь к Булгакову: трагедия философии или постмодернистский happy-end? // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2020. Т. 21. № 3. С. 132–144. См. также: *Idem*. Трагедия философии и философия трагедии (С. Н. Булгаков и Л. И. Шестов) // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: ББИ, 2006. С. 181–198; *Визгин В. П.* Пьер Адо о «Трагедии философии» С. Н. Булгакова // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 153–157.

⁴⁵ Порус В. Н. Возвращаясь к Булгакову: трагедия философии или постмодернистский happy-end? // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2020. Т. 21. № 3. С. 132.

ориентирована⁴⁶, в связи с чем «нужность» философии перестаёт быть самоочевидной. Многие — даже внутри самой философии — считают, что сегодня философия может сохранять актуальность только в перспективе междисциплинарности, делая акцент на интеграции с внешними для философии контекстами. Таким образом, как считается, философия не будет казаться спекуляцией, а внесёт позитивный вклад в развитие мировой науки. Подобную методологическую «скромность» в сравнении с домодерным пониманием задач философии можно обнаружить уже у позднего Витгенштейна, согласно которому философия больше не может делать онтологические утверждения. Она лишь выполняет терапевтическую функцию и помогает нам выявлять и преодолевать наши метафизические иллюзии о знании, истине и о том, как язык соотносится с миром: «Всё, что философия может делать — это разрушать идолов. А это означает не создавать нового — например, [такого] как “отсутствие идола”»⁴⁷.

Однако философия упорно не желает редуцироваться до методологии или терапии, в связи с чем и возникает её постоянная необходимость осмыслять свои собственные основания и природу. Трансцендентные и мифологические корни философии, которые так детально описал Булгаков, оказываются неустранимыми, что выражается в том числе, например, в «онтологическом повороте» и возвращении метафизики в философию⁴⁸. Наряду с этим бытие продолжает возвещать о собственной трагичности, выражающейся «в формах пережитого трагического опыта, в сбывающихся

⁴⁶ Применительно к Булгакову см.: *Danilkina N. Immanuel Kant and the Pragmatic Turn of Science Through the Prism of Sergei Bulgakov's Metaphysics // Studia z historii filozofii. 2020. Vol. 11. № 2 (11). P. 33–46.*

⁴⁷ *Wittgenstein L. Philosophical Occasions. 1912–1951. Indianapolis: Hackett, 1993. P. 171.*

⁴⁸ На русском см. об этом, н-р, недавно вышедший сборник: *Метафизика и постметафизическое мышление / под ред. И. И. Блауберг и А. М. Гагинского. М.: Академический проект, 2020.*

катастрофических прогнозах, в мироощущениях миллионов людей»⁴⁹. В связи с этим вновь и вновь встаёт экзистенциальный вопрос: «Способна ли философия, утратившая трагическое самосознание, овладеть этим предметом [трагедией бытия — И. И.], уловить его сущность и выразить её на своем собственном языке, не заимствованным у богословия или науки? По сути это вопрос о настоящем и будущем философии. [...] Этот вопрос сегодня, пожалуй, даже более злободневен, чем сто лет назад»⁵⁰. Очевидно, что в такой интерпретации размышления Булгакова о природе философии и её границах не теряют актуальности; к ним можно и нужно возвращаться в нынешнем культурном контексте.

Во-вторых, тесно связанным с возвращением метафизики оказывается возвращение религиозного, что побуждает нас обозначить актуальность обращения к религиозной метафизике Булгакова ещё в одном аспекте — применительно к современной культурной ситуации и тому, что принято называть *состоянием постсекулярности*⁵¹. Как бы ни хоронили религию, кажется, она вовсе не собирается умирать⁵². В условиях наблюдения роста религиозных верований и всё большей представленности религиозного в публичном пространстве, актуальным остаётся намеченный Хабермасом

⁴⁹ Порус В. Н. Возвращаясь к Булгакову: трагедия философии или постмодернистский happy-end? // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2020. Т. 21. № 3. С. 142.

⁵⁰ *Ibid.* С. 142–143.

⁵¹ *Habermas J.* Religion in the Public Sphere // *European Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 14. № 1. P. 1–25. Обзор концепций постсекулярности см., н-р: *Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. См. также: *Религиозное сознание в постсекулярном обществе* / под ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М.: ББИ, 2020.

⁵² *Casanova J.* *Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994; *Berger P. L.* (ed.). *The Desecularization of the World: The Resurgence of Religion in World Politics*. Washington; Grand Rapids, MI: Ethics and Public Policy Center; Eerdmans, 1999. Социологические данные см., н-р, по ссылке: https://en.wikipedia.org/wiki/Growth_of_religion (дата обращения: 01.06.2022).

проект поиска оснований для диалога между обществом, всё ещё опирающимся на постулаты классической рациональности, и верующими⁵³.

Сказанное относится не только к общественной жизни, но и к науке. На протяжении как минимум трёх десятилетий отмечается возрождение интереса к религии в феноменологии⁵⁴, и вообще в философии — как в континентальной, так и в аналитической⁵⁵. Кроме того, своеобразные «теологические повороты» были отмечены в иных областях, например, в экономике⁵⁶ и предпринимательстве⁵⁷ (что несомненно порадовало бы Булгакова, доживи он до наших дней⁵⁸). В аспекте теории эти «повороты» дополняются «генеалогическими анализами» имплицитных и эксплицитных теологических оснований современных и постмодерных понятий, идей и установок⁵⁹. В этой связи религиозно-философская мысль Булгакова, в

⁵³ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. С. 109–141.

⁵⁴ См., н-р: Janicaud D. Phenomenology and the “theological turn”: the French debate. New York: Fordham University Press, 2000; *Idem*. Phenomenology Wide Open: After the French Debate. New York: Fordham University Press, 2010; Words of Life: New Theological Turns in French Phenomenology. New York: Fordham University Press, 2010.

⁵⁵ Имеются в виду работы А. Бадью, Дж. Ваттимо, С. Жижека, Дж. Агамбена и др. Об аналитической традиции см.: Crisp O. D. Analytic Philosophy // *Theology and Philosophy: Faith and Reason*. London: Bloomsbury, 2012. P. 171–185.

⁵⁶ Dean M. What is Economic Theology? A New Governmental-Political Paradigm? // *Theory, Culture & Society*. 2019. Vol. 36. № 3. P. 3–26; *Idem*. Governmentality meets theology: ‘The king reigns, but he does not govern’ // *Theory, Culture & Society*. 2012. Vol. 29. № 3. P. 145–158.

⁵⁷ Smith B. R., McMullen J. S., Cardon M. S. Toward a theological turn in entrepreneurship: How religion could enable transformative research in our field // *Journal of Business Venturing*. 2021. Vol. 36. № 5. P. 106–139.

⁵⁸ Несколько лет назад во Фрибурге прошла конференция, посвящённая «Философии хозяйства» и собравшая как богословов, так и представителей экономических наук. Её организатор проф. Б. Халленслебен отмечает, что участники конференции «eine unerwartete Dialogebene zwischen Ökonomie und Theologie entdeckt» (<https://www.kath.ch/newsd/warum-der-ex-marxist-sergij-bulgakov-auch-den-alterzbischof-von-canterbury-fasziniert/>; дата обращения: 01.06.2022). См.: Sergij Bulgakovs Philosophie der Wirtschaft im interdisziplinären Gespräch / Hg. R. M. Zwahlen, B. Hallensleben. Münster: Aschendorff, 2014.

⁵⁹ См., н-р: Милбанк Д. Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума. М.: Теозстетика, 2022; Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017; Асад Т. Возникновение секулярного. Христианство, ислам, модерность. М.: Новое литературное обозрение, 2020; Агамбен. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб:

которой производится попытка соединения достижений секулярной мысли и рациональности с классическим содержанием христианского вероучения, представляет несомненный интерес и обладает актуальностью.

Чтобы не быть голословным, приведу один возможный пример постсекулярного обращения к Булгакову, имеющий непосредственное отношение к данной работе. Во второй главе диссертации будет показано, что Булгаков через критику немецкого идеализма (прежде всего Фихте) и обращение к *vestigia trinitatis*, спекулятивной теологической практике аналогического усматривания в структуре мира триединой природы Св. Троицы, приходит к переформулированию понятия субъекта, который понимается им не в духе новоевропейской философии как автономный самодостаточный носитель действия, но соборно, т. е. как Я разомкнутое и повернутое к другому Я; как *мы*. В третьей главе исследования речь также пойдёт об открытости Я Другому, на этот раз Божественному Другому: будет показано, что Булгаков понимает религиозный опыт как децентрирующий опыт, который смещает человека с центральной позиции в его отношениях с Богом и миром и тем самым «освобождает место» для открытия трансцендентного в имманентном. Социолог религии Кристина Штёкль считает, что подобное понимание децентрированного и разомкнутого Я и соборной субъективности, фундированных религиозным опытом, может иметь политические импликации и обладать потенциалом для постсекулярной политической теории⁶⁰. Штёкль в каком-то смысле продолжает линию

Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018; Gillespie M. *The Theological Origins of Modernity*. Chicago / London: The University of Chicago Press, 2008; Dupré L. *Passage to Modernity. An Essay in the Hermeneutics of Nature and Culture*. New Haven / London: Yale University Press, 1993. Говоря в общем, эта тема подвергается сегодня значительной разработке в западной академии. Например, в 2021 г. прошла онлайн-конференция «Theological Genealogies of Modernity», организованная Оксфордским и Австралийским католическим университетами.

⁶⁰Штёкль К. Постсекулярная субъективность в западной философской дискуссии и в православном богословии // *Философия религии: альманах*. 2010–2011. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 263–275.

критики концепции автономной личности и «чистой субъективности», заложенную в XX веке трудами теоретиков Франкфуртской школы, М. Уолцера, Ч. Тейлора, А. Макинтайра и др., которые, однако, вели её скорее в русле критики идеологии. Но критика автономной личности с позиции учёта религиозного опыта и практики? В чём может заключаться её содержание?

Штёкль считает, что «реконфигурирование субъективности в свете реальности религиозного опыта» и пересмотр классической антропологической парадигмы субъекта могут составить альтернативу принятому в либеральной политической теории «искусству разделения» (М. Уолцер⁶¹), которое, разделяя религиозную и гражданскую идентичность, не позволяет отдалиться от ситуации постсекулярности, в которой «демократия означает равное отношение к религиозным и нерелигиозным гражданам; демократическая теория, в соответствии со своими собственными нормами, должна быть способна вмещать религиозные аргументы»⁶². Иными словами, постсекулярное понимание присутствия верующих в пространстве политического, сформированное либеральными политическими философами, такими как Хабермас и Роулз, всё равно *исходит из принципиальной имманентности этого пространства* и не учитывает, что «религиозный гражданин живет в мире, который не укладывается в пределы имманентности, и что благодаря своей жизни “в свете веры” он обретает *точку зрения на мир, общество и политику, которая может серьёзно отличаться от нерелигиозной, секулярной позиции*»⁶³. Штёкль призывает:

Коль скоро мы всерьез принимаем антропологическую реальность мистического опыта и духовной практики, мы неизбежно должны пересмотреть классическую антропологическую парадигму, согласно

⁶¹ *Walzer M. Liberalism and the Art of Separation // Political Theory. 1984. № 12. P. 315–330.*

⁶² *Штёкль К. Постсекулярная субъективность в западной философской дискуссии и в православном богословии // Философия религии: альманах. 2010–2011. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 266.*

⁶³ *Ibid. С. 267. Курсив мой.*

которой человек является автономным, самоцентрированным субъектом⁶⁴.

Пересмотр этой парадигмы со стороны постсекулярной политической философии мог бы основываться на учёте важности религиозного опыта, призвания христиан к аскетической любви и самоограничению, а также эсхатологической направленности их бытия в мире. Подход Булгакова к субъективности, осуществляемый именно с этих позиций, может представлять значимый ресурс для политического диалога между верующими и неверующими гражданами, а эта тема представляется перспективной для дальнейшего исследования.

Нельзя не отметить, что эвристический потенциал русской религиозной философии, значимым представителем которой является Булгаков, в области решения проблем, связанных с постсекулярностью, активно исследуется в последнее время⁶⁵. Религиозная метафизика русских мыслителей, рассматриваемая с этих позиций, представляется альтернативой одновременно и секулярному модерну, и нигилистическому и плюралистическому постмодерну, а обозначенные русскими философами религиозно-философские подходы к осмыслению феноменов культуры и истории, по выражению О. А. Жуковой, «вполне могут вписаться в

⁶⁴ Штёкль К. Постсекулярная субъективность в западной философской дискуссии и в православном богословии // *Философия религии: альманах*. 2010–2011. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 272.

⁶⁵ См., н-р: *Beyond Modernity: Russian Religious Philosophy and Post-secularism*. Eugene, OR: Pickwick Publications, 2016; Антонов К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. М.: ПСТГУ, 2020. Ч. 2. С. 316–352; *Idem*. Постметафизическое мышление, теология и русская религиозная мысль. Рец. на: Коначаева С. А. Бог после Бога. Пути постметафизического мышления. М.: РГГУ, 2019. 242 с. // *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия*. 2021. № 93. С. 133–138; Гутнер Г. Б. Секулярность, постсекулярность и русская религиозная философия // *Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института*. 2015. Вып. 16. С. 63–82; Мьёр К. Й. Русская религиозная философия в секулярный век // *Историко-философский ежегодник*. 2020. № 35. С. 263–282; Павлов И. И. Влияние секулярных и антисекулярных аспектов «нового религиозного сознания» на становление метафизики Н. А. Бердяева, дисс. ... канд. филос. наук. М., 2021.

современный тренд конструирования новых концептуальных моделей философского знания в области метафизики, онто-гносеологической теории, обновления топики и методологии культурфилософских и историсофских исследований»⁶⁶.

Данная диссертация представляет собой в некотором роде продолжение означенной исследовательской парадигмы. Я разделяю присущее многим исследователям мнение, что русская религиозная философия в лице её наиболее значимых представителей — Соловьёва, Булгакова, Флоренского, Бердяева, Франка и др. — смогла воплотить в себе здоровое сочетание традиции и инновации. Придя к выводам о логической несостоятельности основных интеллектуальных течений XIX–XX веков — позитивизма, материализма, марксизма, монизма — они заявили о необходимости обновления «позитивного» сознания, которое предстояло дополнить игнорируемыми доселе фактами личной веры и религиозного откровения. Русские религиозные мыслители (здесь в первую очередь речь идёт о софиологах) смогли отличить «зёрна от плевел», то есть, отвечая на специфически современные проблемы и соответственно стремясь к обновлению традиционного онтологически и космологически фокусированного модуса мышления, они при этом критиковали или переосмыслили то, что не казалось им в модерне таким уж бесспорным — например, предполагаемую нормативность поворота к индивидуальному познающему субъекту и примат эпистемологии и репрезентации после Декарта и Канта⁶⁷. Как отмечает Джон Милбанк в этой связи применительно к софиологии, её «модерное и постмодерное значение» видится «в том, что она выдвигает на первый план неустойчивость и неопределённость понимания, вопрос техники и отношения человека к

⁶⁶ Жукова О. А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017. С. 10.

⁶⁷ *Milbank J. Sophiology and Theurgy: The New Theological Horizon // Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word. Farnham / Burlington: Ashgate, 2009. P. 48.*

природе вместе с вопросом полового различия и преобладания зла в конечной реальности»⁶⁸.

При этом перед Булгаковым, соединявшем, среди прочего, в своих трудах на уровне понятий и научного аппарата современную ему немецкую социологическую школу и святых отцов греческой патристики, как и перед многими другими русскими философами, вставал базовый теоретический вопрос о самой природе такого соединения⁶⁹ — природе союза науки, метафизики и религии. Это соединение, про которое уже было сказано выше, критиковалось многими, и как обычно — из разных лагерей. С философской позиции типичной в этом отношении является оценка И. И. Евлампиева, считающего, что Булгаков «весьма далеко ушел от идей гуманизма, от представления об абсолютном значении человеческой личности — вернувшись к “средневековому мирозерцанию” с его представлением о безраздельном господстве Бога над человеком и *творческом бессилии человека*»⁷⁰. Не комментируя отдельные аспекты этой и подобных инвектив (в диссертации будут показаны и важность персонализма для Булгакова, и его акцент на достоинстве личности и важности творчества), я лишь хочу отметить, что Булгаковым, в отличие от его критиков, прекрасно понималась невозможность простой отмены гуманизма и прямого возврата к «средневековому мирозерцанию». Невозможно просто излагать божественные истины, не задумываясь над тем, что эти истины были даны, в

⁶⁸ *Milbank J. Sophiology and Theurgy: The New Theological Horizon // Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word. Farnham / Burlington: Ashgate, 2009. P. 50.*

⁶⁹ Об источниках Булгакова интересный доклад прочла Е. Евтухова: *Евтухова Е. О сносах Булгакова (идейный контекст «Философии хозяйства») // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003. С. 140–154.*

⁷⁰ *Евлампиев И. И. Религиозный идеализм С. Н. Булгакова: «за» и «против» // С. Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ. С. 25. Курсив Евлампиева. Развёрнутую критику евлампиевской точки зрения см.: *Порус В. Н. Неизбывная актуальность предостережений С. Н. Булгакова» // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: ББИ, 2006. С. 9–27.**

том числе даны мне и мной определённым образом восприняты. Данную особенность булгаковского метода («выучку», представляющую «философскую штудию» «прошедшей через кантовский искус», как выразилась И. Б. Роднянская) изложил прот. Эндрю Лаут в отношении к его «большой» трилогии (но я не вижу причин, по которым это не может быть отнесено к более ранним, «философским», трудам):

С одной стороны, Булгаков остаётся в рамках традиции, давая систематическое описание объективных истин откровения — того, как вещи, видимые в свете откровения, существуют на самом деле. С другой стороны, он задаётся главным вопросом антропологического подхода: каким образом всё это становится известно нам? А также: как это соотносится с *моим* человеческим опытом?⁷¹

Понимаемый в такой широкой постановке вопрос об отношении веры и разума, философии и богословия, занимает, таким образом, одно из главных, если не главное, мест в творчестве Булгакова. В попытке описания и разбора этой топики необходимым становится анализ базовых констант булгаковской мысли, его метаонтологии и, отчасти, метафилософии сознания. Диссертационное исследование таким образом посвящено религиозной метафизике Булгакова, а точнее — прояснению её метафилософских оснований. В работе рассматривается то, как Булгаков понимал философию, её методологию, проблемное поле и границы, а также то, как он определял религию и её важнейший аспект — веру, которая, согласно русскому мыслителю, «вступает в дело», когда философия естественным образом упирается в границы классической рациональности. Отсюда вырастает последующая необходимость исследования не только классической проблемы веры и разума, но и топики религиозного «единства жизни» — абсолютной

⁷¹ Лаут Э., прот. Сергей Булгаков и задачи богословия // С. Н. Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 799. Используя оригинал статьи (Louth A. Sergii Bulgakov and the Task of Theology // Irish Theological Quarterly. 2009. № 74. P. 252), я изменил в нескольких местах русский перевод цитаты. Курсив мой.

взаимосвязанности бытия, интерес к которой Булгакова выливается в попытку построить христианскую философию Бога, мира и человека на основе идеи Софии. Диссертация среди прочего стремится проследить, как Булгаков отвечает на следующие вопросы: каким образом обеспечивается единство мира и возможность его познания? Каким образом относительное соединено с абсолютным, а множественное фундируется единым? На каких основаниях, возможна встреча трансцендентного с имманентным в сознании отдельной личности? Как обосновывается достоверность познания Абсолюта в индивидуальном религиозном сознании? Как возможна вера и религиозный опыт? Каков их эпистемологический статус?

Объект, предмет, цель и задачи исследования

Объектом диссертационного исследования является религиозная метафизика С. Н. Булгакова — отца Сергия, изложенная им, в частности, преимущественно в «больших» трудах 1910–1920-х гг. — «Философии хозяйства», «Свете Невечернем», «Философии имени» и «Трагедии философии». Введение подобных ограничений вызвано не столько необходимостью определить для диссертации разумные хронологические и текстологические рамки, сколько тем фактом, что, по моему мнению, сформировав взгляды на философию и религию в 1910–1920-е гг., Булгаков в дальнейшем их почти не менял, что подтверждается поздним очерком о философии Льва Шестова (1939), где он, пространно рассуждая о соотношении Афин и Иерусалима, формулирует позиции, практически не отличающиеся от таковых «Света Невечернего» и «Трагедии философии». Однако данное ограничение не обладает абсолютным характером: в исследовании есть цитаты и обращения к более поздним работам, что было сочтено уместным в рамках иллюстрации исследовательских тезисов. Кроме того, первая глава исследования стоит в этом отношении особняком — в ней я в основном обращаюсь к более ранним произведениям Булгакова, стремясь проследить то, *как* формируется его религиозная метафизика.

Предметом исследования выступают философия (а также рациональность и дискурсивное мышление), теология, религия и религиозные категории (вера, молитва, религиозное сознание, религиозный опыт, догмат, откровение) в том виде, как они представлены, раскрыты и обоснованы в булгаковской метафизике.

Цель диссертации состоит в выявлении объёма и содержания понятий философии и религии / теологии в интерпретации С. Н. Булгакова, в прояснении его взглядов на их соотношение и различие, в спецификации его способа обоснования религиозных интуиций посредством философской методологии. Настоящая цель связана с прояснением статуса веры, религиозного сознания и религиозного опыта на путях дискурсивного познания, что представляет собой ключевую проблему философского наследия мыслителя.

Указанная цель достигается путём решения следующих **задач**:

1. Концептуализировать представление о религиозной метафизике Булгакова в его творческом наследии, выявить её основное содержание и теоретические основания.
2. Специфицировать булгаковское определение философии: её методологию, проблемное поле и границы; религию, её предназначение и функции; а также проблему соотношения разума и веры, рациональности и откровения, философии и теологии.
3. Определить статус и функциональность религиозных категорий (вера, молитва, религиозное сознание, религиозный опыт, догмат, откровение) в булгаковской метафизике.
4. Выявить и проанализировать философскую аргументацию, при помощи которой Булгаков обосновывает и описывает означенные религиозные категории.

Степень разработанности темы исследования

Несмотря на отмеченный выше всплеск интереса к Булгакову в России и на Западе, исследовательская литература о нём до сих пор в основном обладает фрагментарным характером: экономисты занимаются Булгаковым-марксистом, историки философии — Булгаковым-идеалистом, богословы — Булгаковым-софиологом. Интерес, таким образом, концентрируется на определённых областях, в число которых обладающие «пограничным» характером религиозная метафизика и философия религии Булгакова до сих пор попадают весьма редко⁷². Отдельного исследования, рассматривавшего бы в деталях тему соотношения дискурсивного познания и религиозной веры в творчестве Булгакова, выступающую лейтмотивом данной диссертации, ни в отечественной, ни в мировой историко-философской науке на сегодня нет, хотя многие аспекты этой темы уже были (некоторые — неоднократно) раскрыты. Это исследование стремится заполнить означенную лауну.

Фундаментальный характер религиозной метафизики Булгакова был очевиден ещё его современникам (при всём их несогласии с отдельными идеями), что подчёркивают в своих классических трудах по истории русской философии и богословия Н. О. Лосский, прот. В. В. Зеньковский, Н. М. Зёрнов, прот. Г. В. Флоровский, а также Н. А. Бердяев («Русская идея») и другие. Последующее её изучение имеет свои этапы, выделенные и раскрытые А. П. Козыревым: носившее до начала 1990-х гг. эпизодический характер, в девяностые годы исследование набирает обороты, сопровождаясь «изучением текстов философа, выявлением их контекстов, публикацией эпистолярия»⁷³.

⁷² Это отмечает, в частности, исследователь философии религии Булгакова К. М. Антонов: «Литература о Булгакове достаточно велика, однако она центрируется главным образом либо на социально-политической, либо на софиологической, либо на специально-богословской тематике». Антонов К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. М.: ПСТГУ, 2020. Т. 1. С. 373, сноска 2.

⁷³ Козырев А. П. От редактора // Сергей Николаевич Булгаков (Философия России первой половины XX века). М.: РОССПЭН, 2020. С. 6.

Целостное представление о творческой эволюции Булгакова можно получить из четырёх имеющихся на сегодняшний день интеллектуальных биографий — фундаментального двухтомника Л. Зандера⁷⁴, книги мон. Елены Казимирчак-Полонской⁷⁵, небольшой книжки Д. А. Крылова⁷⁶ и труда Е. Евтуховой⁷⁷, в котором преимущественно освещается российский период Булгакова. Сюда же примыкают книги о Булгакове, имеющие широкий охват, но не систематический характер — это книги А. Аржаковского⁷⁸, Р. Уильямса⁷⁹, П. Коды⁸⁰.

⁷⁴ Зандер Л. А. Бог и мир (миросозерцание отца Сергия Булгакова). Париж: YMCA-Press, 1948. В рамках нашего исследования надо отметить, что в условиях софиологической полемики, а также антизападной позиции в богословии (о. Г. Флоровский) Зандер был заинтересован в том, чтобы представить мысль Булгакова настолько ортодоксальной, насколько возможно. В связи с этим изложение Зандера затеняет важность и масштаб присутствия и использования немецкого идеализма в булгаковском корпусе. См.: *Lingua G. Kénosis di Dio e santità della materia: La Sofiologia di Sergej N. Bulgakov*. Napoli: ESI, 2000. P. 200; *Seiling J. R. From Antinomy to Sophiology: Modern Russian Religious Consciousness and Sergei N. Bulgakov's Critical Appropriation of German Idealism*. PhD diss. Toronto: University of St Michael's College, 2008. P. 39, n. 70.

⁷⁵ Монахиня Елена [Казимирчак-Полонская]. Профессор протоиерей Сергей Булгаков 1871–1944. Личность, жизнь, творческое служение, осияние фаворским светом. М.: ОПУ, 2003. Монахиня Елена, как и Зандер, была близкой ученицей Булгакова, поэтому следует принимать во внимание отсутствие в книге критического взгляда.

⁷⁶ Крылов Д. А. Сергей Булгаков. СПб.: Наука, 2016.

⁷⁷ Евтухова Е. Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920). СПб: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021.

⁷⁸ *Arjakovsky A. Essai sur le père Serge Boulgakov (1871–1944) : philosophe et théologien chrétien*. Paris: Éd. Parole et Silence, 2006. Хотя Аржаковский более известен в России как историк русской эмиграции — автор монографии о журнале «Путь» (*Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940). Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции*. К.: Феникс, 2000) — его во многом можно считать учеником Булгакова и (единственным?) прямым продолжателем его софиологии. Так, например, Аржаковский утверждает необходимость методологического применения софиологии не только к сфере экуменических отношений, но и к сфере секулярной политики. См., н-р, его недавний доклад «Sophiology and personalism, pillars of a new political science for the XXIst century» на конференции «Building the House of Wisdom» и статью *Аржаковский А. Прославление Имени и грамматика Мудрости: Сергей Булгаков и Жан-Марк Ферри // Сергей Николаевич Булгаков (Философия России первой половины XX века)*. М.: РОССПЭН, 2020. С. 395–408.

⁷⁹ *Williams R. Sergii Bulgakov: Towards a Russian Political Theology*. Edinburgh: International Clark, 1999.

⁸⁰ *Кода П. Сергей Булгаков*, М.: ББИ, 2015; *Coda P. L'altro di Dio: Rivelazione e Kenosi in Sergej Bulgakov*. Roma: Città Nuova, 1998.

Ряд важных монографий и диссертаций посвящён отдельным аспектам булгаковского наследия — разумеется, его софиологии⁸¹, антропологии⁸², философии истории⁸³, философии имени и языка⁸⁴, социальным взглядам⁸⁵,

⁸¹ Ваганова. Н. А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М.: ПСТГУ, 2011; Крылов. Евхаристическая чаша. Софийные начала. М.: КомКнига, 2006.; *Lingua G. Kénosis di Dio e Santità della Materia: La Sofiologia di Sergej N. Bulgakov*. Napoli: ESI, 2000; *Sergeev M. Sophiology in Russian Orthodoxy: Solov'ev, Bulgakov, Losskii, and Berdiaev*. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2006.

⁸² *Zwahlen R. M. Das Revolutionäre Ebenbild Gottes: Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj A. Berdjaev und Sergej N. Bulgakov*. Wien; Berlin; Münster: LIT, 2010; Управителей А. Ф. Конструирование субъектности в антропологии С. Н. Булгакова. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2001.

⁸³ *Stark M. W. The Philosophy of Time and History in the Thought of Sergei Bulgakov and Nikolai Berdiaev*. PhD diss. London: University College London, 2013.

⁸⁴ Резниченко А. И. О смыслах имен. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк и *dii minores*. М.: REGNUM, 2012; Бонецкая Н. К. Между Логосом и Софией. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. Интересно, что А. И. Резниченко и Н. К. Бонецкая придерживаются противоположных взглядов по двум весьма важным вопросам: (1) о том, можно ли считать «триаду» философов имени одной школой и (2) о том, допустимо ли рассматривать философию имени как вариацию философии языка. По первому вопросу Н.К. Бонецкая считает, что «Все три исследования языка — Флоренского, Булгакова, Лосева — [...] составляют единство, имя которому — школа» (*Бонецкая Н. К. Ор. cit.* С. 432), тогда как согласно Резниченко «мы без труда обнаруживаем целостную традицию философствования о языке, — традицию, так и не оформившуюся в школу» (*Резниченко А. И. Ор. cit.* С. 13). Касательно второго вопроса Н. К. Бонецкая считает что, «не слишком правомерно в связи со школой Флоренского говорить о философии языка» (с. 435, сноска 5). Исходя же из первых страниц книги А. И. Резниченко, где она соотносит философию имени с соответствующими дискуссиями о языке в европейской философии XX в. (с. 13–14), я делаю вывод о том, что она считает философию имени версией философии языка, хотя и делает все необходимые оговорки о том, что «сведение философии имени только к семиотическим ее коннотациям упускает из виду, на мой взгляд, главное: тот онтологический стержень, восходящий к Платону, Ареопагитикам и Паламе, без которого философия имени — как совокупность действительно оригинальных и самостоятельных концепций — не только непонятна, но и немыслима» (с. 14, сноска 1). Со своей стороны, я считаю, что вполне допустимо говорить о философах имени как о школе, равно как и допустимо говорить о философии имени как разновидности философии языка. Недавно К. Шнайдер попытался представить философию имени Флоренского и Булгакова как альтернативу существующим подходам в философии языка, впадающим в редукционизм. *Schneider C. Orthodoxy and Philosophy of Language // Theology and Philosophy in Eastern Orthodoxy*. Eugene, OR: Wipf & Stock Publishers, 2019. P. 166–187. К. Шнайдер приходит к выводу, что «Florensky's and Bulgakov's approaches transcend the traditional division between realism and idealism» (P. 185).

⁸⁵ Алонцева Д. А. Государственно-правовые взгляды С. Н. Булгакова. М.: Проспект, 2019; *Van Kessel J. Sophiology and Modern Society. Sergei Bulgakov's Conceptualization of an Alternative Modern Society*. PhD diss. Nijmegen: Radboud University, 2020; *Lingenfelter S. van. Tradition and Modernity: Sergei Bulgakov's Quest for a Christian Civil Society in Later Imperial Russia*. PhD diss. Chicago: University of Illinois at Chicago, 2005.

экуменической деятельности⁸⁶, а также специальным богословским локусам — триадологии⁸⁷, экклезиологии⁸⁸, мариологии⁸⁹, ангелологии⁹⁰, эсхатологии⁹¹ и т. д. Существует и два *систематических* введения в богословскую мысль Булгакова авторства Р. Слезинского⁹² и Э. Николса⁹³.

При этом нужно вновь отметить, что большинство историко-богословских исследований, посвящённых булгаковской теологии (особенно отечественных), по большей части недостаточно учитывают (на уровне концептуального анализа, а не простой констатации или личной оценки) философскую фундированность булгаковского богословского творчества⁹⁴.

⁸⁶ *Geffert B.* Eastern Orthodox and Anglicans: Diplomacy, Theology, and the Politics of Interwar Ecumenism. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 2010; *Sharman S. A.* The Hour is Coming, and is Now Come: Sergei Bulgakov and the Search for the Ecumenical Future. PhD diss. Toronto: University of St Michael's College, 2014.

⁸⁷ *Leamy K.* A Comparison of the Kenotic Trinitarian Theology of Hans Urs von Balthasar and Sergei Bulgakov. PhD diss. Milwaukee, WI: Marquette University, 2012.

⁸⁸ *Swierkosz S.* L'Église visible selon Serge Bulgakov: structure hiérarchique et sacramentelle. Rome: Institutum Studiorum Orientalium, 1980; *Salis Amaral M. de.* Dos Visões Ortodoxas de la Iglesia: Bulgakov y Florovsky. Pamplona: EUNSA, 2003; *Nikolaev S. V.* Church and reunion in the theology of Sergii Bulgakov and Georges Florovsky, 1918–1940. PhD diss. Dallas, TX: Southern Methodist University, 2007.

⁸⁹ *Nunzio Sisto W.* The Mother of God in the Theology of Sergius Bulgakov. The Soul of the World. London: Routledge, 2017.

⁹⁰ *Vasilyev T.* Christian angelology in pseudo-Dionysius and Sergius Bulgakov. PhD diss. Oxford: University of Oxford, 2019. В свою очередь о сатанологии Булгакова см.: *Coyle J. S.* On Mangodhood: Satan after Schelling (paper presented at the conference «Building the House of Wisdom», manuscript).

⁹¹ *Valentini N.* Memoria e Risurrezione in Florenskij e Bulgakov. Verucchio: Pazzini, 1997; *Ramonas A.* L'attesa del regno: eschaton e apocalisse in Sergej Bulgakov. Roma: Pontificia Università Lateranense, 1999.

⁹² *Slesinski R.* The Theology of Sergius Bulgakov. Yonkers, New York: St Vladimir's Seminary Press, 2017.

⁹³ *Nichols A.* Wisdom from Above: A Primer in the Theology of Father Sergei Bulgakov. Leominster: Gracewing, 2005.

⁹⁴ Исключением, заслуживающим упоминания, являются работы прот. Павла Хондзинского. См., н-р: *Хондзинский П., прот.* «На языке софиологии»: критика о. Сергием Булгаковым триадологии блаженного Августина // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 83. С. 11–25; *Idem.* Проблема языков богословия в «Большой трилогии» о. Сергия Булгакова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 177–200. *Idem.* Триадология и софийность: от В. С. Соловьева к о. Сергию Булгакову // Сергей Николаевич Булгаков. М.: РОССПЭН, 2020. С. 322–333.

Помимо упомянутых авторов, большой вклад в освоение и осмысление булгаковского философско-богословского наследия внесли А. П. Козырев⁹⁵, М. А. Колеров⁹⁶, Б. Халленслебен⁹⁷, Р. Цвален⁹⁸, П. Гаврилюк⁹⁹.

Приближаясь непосредственно к тематике нашего исследования, необходимо отметить, что тема «Булгаков и философия» в исследовательской литературе нашла гораздо большее отражение, чем тема «Булгаков и религиозная вера». Так, в общем виде о взглядах Булгакова на философию

⁹⁵ Например: *Козырев А. П.* Ипостась против индивидуальности. Личность у С. Н. Булгакова // Субъективность и идентичность. М.: ВШЭ, 2012. С. 168–181; *Idem.* Об одном антропологическом аспекте философии С. Н. Булгакова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 4. С. 9–14; *Idem.* Нижегородская Сивилла // История философии. 2000. № 6. С. 62–84; *Idem.* Сергей Булгаков и Ю. Н. Рейтлингер: к истории духовного романа // Философские эманации любви. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 148–170; *Idem.* Отец Сергей Булгаков: два года в Праге // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3. № 4. С. 30–47.

⁹⁶ Например: *Колеров М. А.* Археология русского политического идеализма: 1900–1927. Очерки и документы. М.: Common Place, 2018; *Idem.* От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Циолковский, 2017.

⁹⁷ Например: *Hallensleben B.* Ökonomie Und Heilsökonomie: Sergij Bulgakov Als Vordenker Neuer ökumenischer Aufgaben // Wachsam in Liebe. Kisslegg: Fe-Medienverlag, 2008. P. 131–145. *Idem.* Vom Griechischen Russentum Zur Universalen Kirche: Sergij N. Bulgakov // Russische Religionsphilosophie Und Theologie Um 1900. Marburg: Elwert, 2005. P. 109–120. *Idem.* Spiritual Intercommunion between the East and the West: The Russian Orthodox Theologian Sergij N. Bulgakov (1871–1944) // Sapere Teologico E Unità Della Fede. Studi in onore del Prof. J. Wicks. Roma, 2004. P. 409–433; *Халленслебен Б.* Кто субъект истории? // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 130–133.

⁹⁸ Например: *Zwahlen R. M.* Sergii Bulgakov's Reinvention of Theocracy for a Democratic Age // Journal of Orthodox Christian Thought. 2020. Vol. 3. № 2. P. 175–194; *Idem.* Sergij Bulgakov und Vasilij Kandinskij “über das Geistige in der Kunst” // Veni, Sancte Spiritus! / Hg. G. Vergauwen, A. Steingruber. Münster: Aschendorff Verlag, 2018. P. 684–698; *Idem.* Thomas Carlyle, source d'inspiration pour l'œuvre de Serge Boulgakov // Le Messenger Orthodoxe. 2015. № 158. P. 55–67; *Idem.* Sergei Bulgakov's Concept of Human Dignity // Orthodox Christianity and Human Rights. Leuven: Brepols, 2012. P. 169–186.

⁹⁹ *Gavrilyuk P.* Bulgakov's Account of Creation: Neglected Aspects, Critics and Contemporary Relevance // International Journal of Systematic Theology. 2015. Vol. 17. № 4. P. 450–463; *Idem.* Universal Salvation in the Eschatology of Sergius Bulgakov // The Journal of Theological Studies. 2006. Vol. 57. № 1. P. 110–132; *Гаврилюк П. Л.* Кенотическое богословие Сергия Булгакова // С. Н. Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 767–788.

эксплицитно писали С. С. Хоружий¹⁰⁰, И. Б. Роднянская¹⁰¹, В. Н. Порус¹⁰², П. Вальер¹⁰³, В. Т. Фаритов¹⁰⁴, Н. В. Гараджа¹⁰⁵, О. Н. Нетребская¹⁰⁶, И. А. Черносветова¹⁰⁷, А. Мровчинский-Ван Аллен и С. Монтель Гомес¹⁰⁸, Й. ван Россум¹⁰⁹.

¹⁰⁰ *Хоружий С. С.* София — Космос — материя: устои философской мысли отца Сергея Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков. М.: РОССПЭН, 2020. С. 9–45.

¹⁰¹ *Роднянская И. Б.* Читатель и толмач замысла о мире // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Соч. в 2 т. Т. 1. Свет Невечерний. М.; СПб.: Искусство; ИНАПРЕСС, 1999. С. 5–16; *Idem.* Сергей Николаевич Булгаков — отец Сергей: стиль мысли и формы мысли // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003. С. 29–43.

¹⁰² *Порус В. Н.* Трагедия философии и философия трагедии (С. Н. Булгаков и Л. И. Шестов) // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: ББИ, 2006. С. 181–198; *Idem.* Возвращаясь к Булгакову: трагедия философии или постмодернистский happy-end? // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2020. Т. 21. № 3. С. 132–144; *Idem.* Неизбывная актуальность предостережений С. Н. Булгакова // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: ББИ, 2006. С. 9–27.

¹⁰³ *Valliere P.* Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov. Orthodox Theology in a New Key. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2000; *Idem.* A Russian Cosmology: Sergei Bulgakov's Religious Philosophy // A History of Russian Philosophy, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 171–189.

¹⁰⁴ *Фаритов В. Т.* Пути русской религиозной философии в свете кризиса европейской метафизики: С. Н. Булгаков и Ф. Ницше // Философская мысль. 2019. № 3. С. 8–19; *Idem.* Кризис европейской метафизики в зеркале русской религиозной философии (В. С. Соловьёв и С. Н. Булгаков) // Метафизика и постметафизическое мышление. М.: Академический проект, 2020.

¹⁰⁵ *Гараджа Н. В.* С. Н. Булгаков о природе философского познания: дисс. ... канд. филос. наук. М.: 2003.

¹⁰⁶ *Нетребская О. Н.* С. Н. Булгаков о «трагедии» философии: дисс. ... канд. филос. наук. М.: 2008.

¹⁰⁷ *Черносветова И. А.* Соотношение веры и знания в русской религиозной философии начала XX века: С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев: дисс. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006.

¹⁰⁸ *Мровчинский-Ван Аллен А., Монтель Гомес С.* Аспекты русской традиции философско-теологического синтеза в постсекулярном контексте: о. Г. Флоровский, о. С. Булгаков, А. Бадью и “карлик теологии” // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. М.: ПСТГУ, 2013. С. 211–223.

¹⁰⁹ *Ван Россум Й.* Взаимодействие богословия и философии в православном богословии: свт. Григорий Палама и прот. Сергей Булгаков // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. М.: ПСТГУ, 2013. С. 199–210.

Специально об отношении Булгакова к Канту и немецкому идеализму писали Н. А. Ваганова¹¹⁰, иером. Тихон (Васильев)¹¹¹, Я. Красицкий¹¹², Дж. Силинг¹¹³, Дж. Милбанк¹¹⁴, Дж. Хит¹¹⁵, Е. И. Хохлова¹¹⁶, Дж. Койл¹¹⁷.

Тему булгаковского антиномизма детально раскрыли А. Р. Геворкян¹¹⁸, С. Н. Астапов¹¹⁹ и Б. Галлахер¹²⁰. Философию троичности подробно описали

¹¹⁰ *Ваганова Н. А.* Трансцендентальный идеал Канта и софиология Булгакова // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. М.: ПСТГУ, 2013. С. 65–85; *Idem.* Таинство, догмат и антиномия в софиологии прот. С. Булгакова // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2013. Т. 48. № 4. С. 40–51.

¹¹¹ *Vasilyev T.* Aspects of Schelling's Influence on Sergius Bulgakov and Other Thinkers of the Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century // International Journal of Philosophy and Theology. 2019. Vol. 80. №. 1/2. P. 143–159; *Васильев Т., иером.* Богословие и философия в трудах отца Сергия Булгакова // С. Н. Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 904–922.

¹¹² *Krasicki J.* “The tragedy” of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others) // Studies in East European Thought. 2010. Vol. 62. № 1. P. 63–70.

¹¹³ *Seiling J. R.* From Antinomy to Sophiology: Modern Russian Religious Consciousness and Sergei N. Bulgakov's Critical Appropriation of German Idealism. PhD diss. Toronto: University of St Michael's College, 2008; *Силинг Д.* «Третья антиномия» Канта и «Субстанция» Спинозы в софиологии Флоренского и Булгакова // На пути к синтетическому единству европейской культуры: философско-богословское наследие П. А. Флоренского и современность / под ред. В. Н. Поруса. М.: Библиейско-Богословский Институт, 2006. С. 40–52.

¹¹⁴ *Milbank J.* Sophiology and Theurgy: The New Theological Horizon // Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word. Farnham / Burlington: Ashgate, 2009. P. 45–85; *Idem.* From Grammar to Wisdom // Bulgakov S. The Tragedy of Philosophy (Philosophy and Dogma). Angelico Press, 2020. P. ix–xxxiii.

¹¹⁵ *Heath J.* On Sergii Bulgakov's Tragedy of Philosophy // Modern Theology. 2021. Vol. 37. № 3. P. 805–823.

¹¹⁶ *Хохлова Е. И.* Генезис религиозной философии С. Н. Булгакова: дисс. ... канд. филос. наук. Орёл, 1998.

¹¹⁷ *Coyle J. S.* Heterodox Hegels: heresiology in de Lubac and Bulgakov // Scottish Journal of Theology. 2020. № 73. P. 31–42.

¹¹⁸ *Геворкян А. Р.* Учение об антиномизме П. Флоренского и С. Булгакова. М.: Христианское издательство, 1999.

¹¹⁹ *Астапов С. Н.* Антиномизм как способ репрезентации религиозного сознания (на материале русской религиозной философии первой половины XX века): дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2010.

¹²⁰ *Gallagher B.* Freedom and Necessity in Modern Trinitarian Theology, Oxford; New York: Oxford University Press, 2016; *Галлахер Б.* «...Там свобода»: проблема Божественной свободы и необходимости любви у К. Барта и С. Булгакова // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: ББИ, 2006. С. 40–80.

А. И. Резниченко¹²¹, Дж. Хит¹²², Р. Цвален¹²³ и прот. М. Аксёнов-Меерсон¹²⁴, также этой топики касались более близкие Булгакову хронологически Пьер Адо¹²⁵ и Джузеппе Ло Верде¹²⁶.

Тема «Булгаков и религиозная вера», как уже было сказано, была разработана гораздо меньше, найдя специальное отражение в трудах К. М. Антонова¹²⁷ и К. Шнайдера¹²⁸. Чаше эпистемология религии Булгакова кратко анализируется в рамках более общих исследований по теме веры и религиозного опыта в русской религиозной философии. Здесь можно

¹²¹ Резниченко А. И. О смыслах имён. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк и *dii minores*. М.: Издательский дом REGNUM, 2012; *Idem*. Генезис и артикуляционные формы языка русской философии (С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, А. С. Глинка-Волжский, П. П. Перцов, С. Н. Дурьлин): Историко-философский анализ. Дисс. ... докт. филос. н.: 09.00.03. М., 2013; *Idem*. «Все временное есть сплав из ничто и вечности»: еще раз о тринитарной онтологии проф. прот. Сергия Булгакова (к 150-летию со дня рождения) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 12–28. Вообще тема тринитарной онтологии сейчас переживает новый расцвет в «философствующем» богословии. В 2019 г. в Кембриджском университете прошла очень масштабная конференция «New Trinitarian Ontologies», где Булгакову было посвящено несколько докладов.

¹²² Heath J. Sergii Bulgakov's Linguistic Trinity // *Modern Theology*. 2021. Vol. 37. № 4. P. 888–912.

¹²³ Цвален Р. М. Тринитарная концепция личности у Николая Бердяева и Сергея Булгакова // *История философии*. 2016. Т. 21. № 1. С. 151–159.

¹²⁴ Аксёнов-Меерсон М. Созерцанием Троицы Святой... Парадигма любви в русской философии троичности. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2007.

¹²⁵ Адо П. Философия как тринитарная ересь (по поводу книги Сергея Булгакова «Трагедия философии») // *Вопросы философии*. 2009. № 7. С. 158–171. Контекст статьи см.: Визгин В. П. Пьер Адо о «Трагедии философии» С. Н. Булгакова // *Ibid.* С. 153–157.

¹²⁶ Ло Верде Д. Философия троичности С. Булгакова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. Т. 7. № 1. С. 109–126. Контекст статьи см.: Кейдан В. И. Итальянская рецепция русской философской системы: Джузеппе Ло Верде о тринитарной онтологии протоиерея Сергия Булгакова // *Ibid.* С. 106–108.

¹²⁷ Антонов К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. Ч. 1. М.: ПСТГУ, 2020.

¹²⁸ Schneider C. Faith and Reason in Russian Religious Thought: Sergei Bulgakov, Pavel Florensky and the contemporary debate about ontotheology and fideism // *Analogia*. 2020. № 8. P. 131–142. *Idem*. Experiential Doctrine and Doctrinal Experience in the Religious Epistemologies of Pavel Florensky and Sergei Bulgakov // *Unfading Light. Studies Subsidiary to Sobornost'* (в печати).

упомянуть монографии и статьи П. Гаврилюка¹²⁹, Т. Оболевич¹³⁰, С. А. Нижникова¹³¹, Д. В. Пивоварова¹³², И. И. Евлампиева¹³³, Т. Шпидлика¹³⁴, В. Н. Акулинина¹³⁵, К. Гшвандтнер¹³⁶.

Наконец, ещё одна группа исследований, о которой стоит сказать отдельно — это сложившийся на сегодня «корпус» коллективных сборников о Булгакове, объединяющий большинство перечисленных тем и авторов¹³⁷.

Научная новизна исследования

В представленной диссертации впервые:

1. Обосновывается и раскрывается тезис о важности метаксологического понимания бинарной оппозиции «трансцендентное / имманентное», характерного для Булгакова и необходимого для корректной интерпретации его религиозной

¹²⁹ *Gavrilyuk P.* Modern Orthodox Thinkers // The Oxford Handbook of Epistemology of Theology / eds. W. J. Abraham, F. D. Aquino. Oxford / New York: Oxford University Press, 2017. P. 579–589.

¹³⁰ *Obolevitch T.* Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford / New York: Oxford University Press, 2017; Faith and Reason in Russian Thought / eds. T. Obolevitch, P. Rojek. Krakow: Copernicus Center Press, 2015.

¹³¹ *Нижников С. А.* Метафизика веры в русской философии. М.: ИНФРА-М, 2017.

¹³² *Пивоваров Д. В.* Религия в поисках истины, знания и веры: опыт религиозный и опыт научный. СПб.: Алетейя, 2017.

¹³³ *Евлампиев И. И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта, СПб.: РХГА, 2020.

¹³⁴ *Шпидлик Т.* Русская идея. Иное видение человека. СПб: Изд-во О. Абышко, 2006.

¹³⁵ *Акулинин В. Н.* Философия всеединства: от В. С. Соловьева к П. А. Флоренскому. Новосибирск: Наука, 1990.

¹³⁶ *Gschwandtner C. M.* The Category of Experience: Orthodox Theology and Contemporary Philosophy // Journal of Eastern Christian Studies. 2017. Vol. 69. № 1–2. P. 181–221.

¹³⁷ (1) Сергей Николаевич Булгаков. (Философия России первой половины XX века). М.: РОССПЭН, 2020; (2) С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003; (3) Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль / под ред. В. Н. Поруса. М.: ББИ, 2006; (4) Софиология / под ред. В. Н. Поруса. М.: ББИ, 2010; (5) С. Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2003; (6) С. Н. Булгаков: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2021; (7) Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. М.: ПСТГУ, 2013. В ближайшем будущем должен также выйти сборник докладов конференции 2021 г. во Фрибуре.

метафизики. Такое понимание не полностью сливается и не абсолютно разделяет полюсы оппозиции, равно как и не примиряет их в диалектическом синтезе. Вместе этого оно стремится удержать оппозиции, акцентируя внимание на природе границы между ними и на двойственном моменте встречи, когда трансцендентное открывается в имманентном, а имманентное само-трансцендируется.

2. Раскрывается соотношение веры и знания в религиозной метафизике Булгакова, понимаемое не как имманентное единство и не как абсолютное противопоставление, но как строго техническое различие в свете грядущего эсхатологического единства.
3. В деталях рассматриваются некоторые важные вопросы «философской компаративистики» Булгакова, позволяющие выявить его глубинные метафизические интуиции в соотношении с другими философскими и религиозно-философскими позициями: отношение Булгакова к нигилизму Ф. Ницше, критика им и П. Флоренским онтологического мышления Вл. Соловьёва, влияние на философию религии и феноменологию религиозного опыта Булгакова символизма Вяч. Иванова.
4. Осуществляется развёрнутый анализ булгаковского понимания молитвы и акта именованности Божества в молитве, представленных в книге «Свет Невечерний».
5. Тема субъективности у Булгакова осмысливается в свете выявляемой в его трудах двуаспектности «кенотического размыкания» Я как на путях философии (реконфигурация новоевропейского субъекта через локусы соборности и всеединства), так и на путях религиозного опыта (сохранение божественной трансцендентности через аскетическое самоумаление).
6. Описывается не только теоретическое обоснование воссоединения христианского мышления и жизни, представленное в трудах Булгакова, но и практическое присутствие этого единства в его

сочинениях, т. е. перформативный и рефлексивный характер его трудов.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В религиозной метафизике Булгакова нашло своё отражение динамическое единство дискурсивных и недискурсивных элементов, составляющих содержание религиозного сознания, явленное в антиномическом религиозно-философском дискурсе. Антиномический характер мышления является необходимым условием сохранения правильного понимания божественной трансцендентности.
2. Для Булгакова религиозный опыт и христианская вера всегда имеют когнитивный характер и лингвистически артикулированное догматическое содержание. Живой религиозный опыт рассматривается Булгаковым в качестве единственного способа познания Бога. В этой связи он выступает против рациональных доказательств бытия Божия, равно как и против адогматизма и сведения религиозного опыта строго к сфере эмоционального. С течением истории религиозный опыт закрепляется в качестве догматов. В то же время и религиозный опыт, и догматы нуждаются в интерпретации на языке нынешнего времени. Эту интерпретативную функцию осуществляет религиозная философия.
3. Ввиду этого христианская философия для Булгакова возможна, но является лишь частным интерпретативным осмыслением теологических догматов. Единая философская система, которая бы стала абсолютным выражением полноты истины, невозможна. При этом философия необходима как рациональное осмысление истин откровения.
4. Вера и знание понимаются Булгаковым как дополняющие друг друга феномены, не сливающиеся и не противостоящие друг другу, чья даже чисто техническая оппозиция будет снята в эсхатологическом

единстве. В пределах этой жизни они представляют собой качественно разные реальности, где одна направлена на эмпирически данную реальность, а вторая — на трансцендентное.

5. Философия и богословие, как и вообще любое знание, обладают личностным, субъективным характером, а потому должны характеризоваться не только «нейтральной» репрезентацией состояний вещей, но и аскетическим усилием субъекта прожить подлинную жизнь, которая характеризуется любовью к Другому, будь то Божественный или человеческий Другой.

Методологическая основа исследования

Стремясь наиболее адекватно зафиксировать и изложить метасологическую природу булгаковской религиозной метафизики, данное исследование само обладает междисциплинарным характером, располагаясь на границе истории философии и философии религии. Для решения историко-философских задач в диссертации используются традиционные для этого жанра методы: *дескриптивный* метод используется для описания позиций Булгакова и иных мыслителей по тем или иным вопросам; методы *системного анализа* и *историко-философской реконструкции* позволяют изложить разбросанное в разных местах сочинений Булгакова учение по тому или иному вопросу в цельном виде; *контекстуальный* метод используется для выявления степени опосредованности тех или иных идей Булгакова как только общим философским полем эпохи, так и личностью их автора; *компаративный* метод используется для сопоставления идей Булгакова с таковыми других философов (Вл. Соловьёва, П. Флоренского, Вяч. Иванова, Фр. Ницше и т. д.); наконец, *герменевтический* метод необходим для выявления скрытых смыслов булгаковского текста.

Указанные методы позволяют рассматривать проблематику диссертации в историко-философском контексте, а также дают возможность проследить связи и закономерности в развитии тех или иных идей Булгакова

в их зависимости от контекста и соответствующего развития философских концепций рассматриваемого периода.

Для отражения философско-религиозного содержания исследования употребляется также феноменологический метод. Он даёт возможность репрезентировать и описать содержание религиозного сознания и религиозного опыта.

Структура исследования

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы.

Первая глава «Идеалы, София и религиозное сознание: Булгаков в контексте философских поисков Серебряного века» является вводной и стремится осветить две темы — (1) булгаковский «идеалистический поворот» к этике, метафизике и христианству, рассматриваемый через ряд частных историко-философских сюжетов, и (2) влияние Соловьёва и Флоренского на важные для исследования константы булгаковского мышления — ограниченность дискурсивного мышления и антиномизм, а также действительное единство мира в аспекте сохранения божественной трансцендентности. Во второй главе «Религиозная философия и опыт её конституирования С. Н. Булгаковым» через булгаковский анализ природы философии аргументируется необходимо личностная природа всякого знания, а также необходимость самоограничения мышления для подлинного познания. Третья глава «“Борьба за трансцендентность” в “Свете Невечернем”»: метаксологическая метафизика С. Н. Булгакова» посвящена анализу булгаковской философии религии и разбору его аргументации о важности аскетического (само-трансцендирующего) измерения человеческой личности для познания божественного.

Вторая и третья глава диссертации являются основными, и в них показывается, что *и путь дискурсивного мышления, и путь религиозного опыта в конечном итоге являются путями личностного познания и как*

таковые они должны представлять собой совмещение теории христианского мышления и практики христианской жизни.

При этом взгляды Булгакова на философию, составляющие содержание второй главы, рассматриваются *диахронически* — в их развитии от «Философии хозяйства» до «Трагедии философии», что обусловлено изменением булгаковской позиции (от относительно оптимистического взгляда на философию к трагическому) и исследовательской необходимостью артикулировать эти изменения. Взгляды Булгакова на религиозную веру, составляющие содержание третьей главы, наоборот, рассматриваются *синхронически* — так, как они представлены в «Свете Невечернем» (изложение, таким образом, хронологически несколько возвращается назад), что обусловлено глубокой теоретической проработкой Булгаковым этих вопросов в «Свете» и в целом неизменностью его позиции в дальнейшем.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Проведённое историко-философское исследование стимулирует дальнейшую разработку философско-богословской проблематики творчества С. Н. Булгакова в отечественной и зарубежной исследовательской практике, а также может быть взято за основу для педагогической деятельности и создания серии лекций, спецкурса или факультатива по выбору для магистрантов и аспирантов философского, теологического и религиоведческого отделений в рамках университетского образования.

Основное содержание диссертации

Первая глава диссертации *«Идеалы, София и религиозное сознание: Булгаков в контексте философских поисков Серебряного века»* носит вводный характер, и в ней мы стремимся преимущественно осветить две темы — (1) через анализ трёх отдельных, до нынешнего дня относительно малоисследованных в литературе, историко-философских сюжетов проследить и описать булгаковский «идеалистический поворот» к этике, метафизике и христианской вере; (2) рассмотреть влияние Соловьёва и Флоренского на важные для исследования константы булгаковского мышления — ограниченность дискурсивного мышления, а также акцент на действительном единстве мира в аспекте сохранения божественной трансцендентности.

В параграфе 1.1. *«Добро, народ и творчество: литературная критика как источник философских идей С. Н. Булгакова»* рассматривается литературная критика Булгакова 1900-х гг. — его анализ произведений Чехова, Достоевского, Толстого и других русских писателей. Показывается, что религиозно-идеалистическое измерение литературы является для него ключевым. Анализируя русскую литературу, Булгаков приходит к выводу о *необходимости веры для человеческого сознания*, причём в понимании веры, характерном для Булгакова 1900-х гг., он придерживается широкой интерпретации этого понятия: вера необязательно должна быть верой в божественное существо; это может быть вера в деперсонализированное Добро (Чехов), в народ (Толстой), в Россию (Герцен). Вера, таким образом, в первом десятилетии XX века понимается Булгаковым как наличие идеалов и метафизических предпосылок мышления, как *фундаментальный принцип, обосновывающий взгляд на мир как целое*. Такая широкая трактовка веры контрастирует с более узким пониманием веры как направленности на

трансцендентное, которое Булгаков разовьёт в 1910-е гг. («Свет Невечерний»), и которое будет подробно рассмотрено в третьей главе.

Тема «религиозной антропологии» Булгакова получает продолжение в следующем **параграфе 1.2.** *«На подступах к религиозному идеалу: Ф. Ницше как универсальный (но отсутствующий) оппонент»* в котором предпринимается анализ его отношений с Ницше — философом, который для Булгакова является универсальным оппонентом, — что ещё раз приводит нас к теме *утверждения религиозного измерения жизни*. В данном параграфе опровергается мнение, что Булгаков не был заинтересован учением Ницше и не вступил с ним полемику. В действительности, как показывается в исследовании, для Булгакова философского периода Ницше является значимой фигурой. И хотя русский мыслитель практически не разбирал творчество автора «Антихриста» специальным образом, Ницше стал для него главным оппонентом на путях осмысления кризиса метафизики. *Булгаков не последовал за многими другими религиозными философами в прочтении Ницше как провозвестника обновления христианства*. Он воспринял его так, как и следовало воспринять Ницше, исходя напрямую из его текстов: как закономерный итог гуманистической философии, подводящий под неё черту, и желающий построить новый мир на совершенно иных основаниях и ценностях — нехристианских не только явно, но и имплицитно, что Булгакову было совершенно чуждо. В этой связи можно говорить о том, что *Булгаков отвечает на ницшевский вызов «смерти Бога» через построение собственной религиозно-метафизической системы*. Эта система имеет своей целью восстановление трансцендентно-имманентной связи. Конструируя её последовательно, Булгаков центрирует свою религиозную философию вокруг нескольких тем и понятий, ключевыми из которых становятся темы Софии, веры и богочеловечества.

При этом необходимо отметить, что малоисследованный сюжет «Булгаков и Ницше» обладает не только внутринаучной актуальностью, но и

имеет отношение к постсекулярной проблематике, о которой шла речь во введении, поскольку именно Ницше оказался ключевой фигурой в процессе крушения секулярного разума¹³⁸. Через «смерть Бога», означающую смерть любых абсолютных истин, лежит прямой путь к постсекулярному¹³⁹. В этой связи будет показано, что Булгаков игнорирует постсекулярный пафос философии Ницше и не берёт его в союзники против рационально-гуманистической традиции мысли, идущей от Просвещения.

Параграф 1.3. *«Достоевский, аскетизм и мироотрицание: “веховский” дискурс о религиозности»* обращается к значимой проблеме — теме аскетизма / подвижничества в булгаковской статье в сборнике «Вехи». Проводя параллели с более ранним текстом Булгакова, также обращаемся к теме аскетизма, — «Об экономическом идеале» (1903) — мы показываем трансформацию булгаковского отношения к аскезе и то, как это изменение касается природы мышления. Если в 1903 г. Булгаков негативно относится к христианскому аскетизму, считая его мироотрицанием, то к 1909 г. под влиянием Достоевского его мировоззрение меняется: именно способ существования христианского аскета теперь рассматривается как подлинный, в отличие от способа жизни героя / интеллигента. Христианский аскет не проявляет «люциферианской гордыни», т. е. не берёт на себя больше, чем может. Он сосредоточен на внутренней работе над собой, что в конечном итоге позволяет ему быть более верным по отношению к Богу и Его Промыслу, а также к миру, истории и другим людям. В свою очередь герой / интеллигент,

¹³⁸ См. об этом: *Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 92–93.

¹³⁹ Как об этом пишет американский богослов и философ религии Джон Капуто: «Когда Ницше говорит о том, что “Бог умер”, он сообщает, что отныне нет центра, нет единого всеобъемлющего принципа, который объясняет все вещи. Есть лишь множество фикций или интерпретаций. Но если нет никакого единого всеобъемлющего принципа, это значит, что наука — всего лишь еще одна интерпретация, у которой нет никакого эксклюзивного права на абсолютную истину». *Caputo J.* On the Power of the Powerless: Dialogue with John D. Caputo // *After the Death of God* / ed. J. W. Robbins. New York: Columbia University Press, 2007. P. 133. Цит. по: *Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 92–93.

в некоторых отношениях очень напоминающий философа из более поздней «Трагедии философии», «как бы начинает из себя историю», т. е. эгоистически исходит из собственного Я как из начальной точки, согласно которой происходит его определение по отношению к миру. *Это не только ведёт к дезинтеграции общества и государства, но и к распаду на уровне отдельной личности.*

Наконец, в **параграфе 1.4.** *«Проблема религиозно-философской самоидентификации С. Н. Булгакова: Вл. Соловьёв и о. П. Флоренский»* делаются предварительные подступы к ключевой булгаковской теме «Бог и мир» в аспекте божественной трансцендентности. Здесь для Булгакова первостепенное значение имеют две фигуры — Соловьёв и Флоренский. Если сначала Булгаков некритически принимает проект всеединства Соловьёва, то потом под влиянием Флоренского он начинает его критиковать как чрезмерно рационалистический. В исследовании показывается, что это происходит в связи с тем, что Соловьёв, по мнению Флоренского и Булгакова, не отдаёт должного божественной трансцендентности. Он дедуцирует отношение Бога к миру, ставя их в отношение каузальной зависимости. Мышление Соловьёва оказывается онтологическим и «присваивающим», при котором Бог оказывается «вписан» в дискурсивные схемы мышления на условиях последнего. Флоренский и Булгаков оказываются вынуждены искать альтернативные способы религиозного философствования, что выразится позднее в использовании антиномий и отрицании широкого понимания веры.

Говоря в общем, в первой главе мы локализуем Булгакова внутри контекста соответствующей ему эпохи, выявляя обстоятельства и вызовы времени, способствовавшие формированию его религиозной метафизики. Глубокое чтение Достоевского, Толстого и других русских писателей на фоне поворота эпохи к обновлению религиозного сознания утвердило Булгакова в том, что метафизическая, этическая и религиозная проблематика является центральной для человеческой жизни, а культура должна отстаивать наличие

идеалов. Булгаков почувствовал опасность нигилизма, лежащего в сердце новоевропейской — имманентистской — философии, что выразилось в его споре с радикально-антропоцентрически настроенными мыслителями — Фейербахом, Штирнером, но более всего с Ницше. При этом необходимо признать, что Булгаков не смог разглядеть за «сверхчеловеческой» риторикой базельского профессора интенции и интуиции, которые могли бы быть использованы Булгаковым в его борьбе против рационалистического гуманизма Просвещения, стремящегося к автономии человека и поставлению его на центральное место.

Помимо русских писателей и Ницше, тем, кто также сильно повлиял на становление религиозной метафизики Булгакова, стал В. С. Соловьёв. Было показано, что под влиянием Флоренского практически некритическое почитание Булгаковым Соловьёва сменяется более взвешенным и критическим, не в последнюю очередь из-за того, что Соловьёв рационалистически дедуцирует творение мира из Бога, не отдавая таким образом должного действительной божественной трансцендентности. Мышление Соловьёва, как считают Флоренский и Булгаков, не оставляет места тайне в Боге. В этой связи Булгаков оказывается вынужден разрабатывать альтернативные стратегии религиозного философствования, о которых подробнее будет сказано в следующих главах. Речь идёт в первую очередь об антиномиях и их методологическом использовании ради сохранения божественной инаковости, а также о более узком, чем у Соловьёва, понимании религиозной веры, ассоциируемой не с мистической интуицией, а с направленностью на трансцендентное. Эти альтернативные стратегии тесным образом переплетаются с утверждением Булгаковым аскетизма как личностной установки, что было также раскрыто в первой главе. Аскетическое отношение к жизни, свойственное христианским подвижникам, увязывается им с правильным отношением к мышлению, истории и собственному Я.

Во второй главе «*Религиозная философия и опыт её конституирования С. Н. Булгаковым*» рассматривается отношение Булгакова к философии, её природе, основаниям и ограничениям. Текстологически глава в основном опирается на два главных философских сочинения мыслителя — «Свет Невечерний» и «Трагедию философии». В сравнительном отношении применительно к этим текстам мы фиксируем определённый переход *от теории к практике*, совершаемый Булгаковым на пути от «Света» к «Трагедии»: от выяснения *самых* условий возможности религиозной философии — к построению проекта таковой. Так, если в «Свете» Булгаков говорит о совместимости философии и богословия и рассуждает о возможности специфически *христианской* философии, то в «Трагедии» он не только продолжает критику систематической философии, т. е. немецкого идеализма, но и разрабатывает проект собственной «позитивной философии» à la поздний Шеллинг — философии троичности.

В параграфе 2.1. «*Природа философии и её мифологические основания*» анализируются взгляды Булгакова на основания философии, её природу и взаимоотношения с религией. В частности, раскрывается то, как Булгаков отвергает просвещенческий идеал «чистого разума», последовательно утверждая не только несводимость жизни к панлогизму, но и мифологические основания всякого мышления как такового. Любая философия мифична, а потому религиозна в своих наиболее базовых аксиомах. Это означает, что возможно множество философий, в том числе и христианских. Направляемая тягой к Трансцендентному, философия, как и богословие, должна стать *ancilla religiae*, т. е. заниматься рациональным осмыслением истин откровения.

Постулируемая Булгаковым *ограниченность* дискурсивного мышления в свою очередь ставит вопрос о *границах* философии, которые для Булгакова обозначаются антиномиями. В этой связи в **параграфе 2.2.** «*Границы философии: автономия versus антиномия*» показывается, какие трансформации претерпевает у Булгакова понятие антиномии по сравнению с

тем, как оно представлено у Канта и Флоренского — двух наиболее важных для него мыслителей в этом отношении, а также то, насколько важным является для Булгакова антиномизм методологически. И Флоренский, и Булгаков идут дальше Канта, «онтологизируя» антиномию и превращая её в фундаментальное свойство бытия. Однако Булгаков идёт также дальше Флоренского, распространяя понятие антиномии на иные сферы; антиномиями у него оказываются насыщены эстетика, сфера языка и сфера человеческой субъективности. Антиномии у него пронизывают и бытие, и мышление.

Далее, в **параграфе 2.3. «По ту сторону границы: философия как ересь»** анализируется тема *выхода за установленные для мышления границы*: мы рассматриваем проект булгаковской ересеологии — предпринятую им в «Трагедии» оценку немецкого идеализма с точки зрения христианской догматической ортодоксии. Несмотря на трагический вердикт, который он выносит философии идеализма, Булгаков ценил интенции, лежавшие в самом основании пост-кантианского идеализма — обоснование единства бытия и позитивное отношение к материальному, имманентному миру. В этом отношении его дальнейшая софиолого-тринитарная метафизика должна рассматриваться как *исправление и альтернатива пост-кантианскому идеализму*. В этой связи показывается, как Булгаков переосмысляет фихтеанское учение о трансцендентальном субъекте, корректируя его в духе христианского соборного персонализма: трансцендентальный субъект выступает как множественность, *мы*, а не как монадическое Я. Вторым важным моментом является личностная природа всякого познания: любой акт познания является в том числе актом само-определения субъекта, а наше знание о единстве мира должно быть связано не с мифическим понятием «нейтральности» тотализирующего взгляда «из ниоткуда», но с занятием определённого места внутри этого целого.

Наконец, в **параграфе 2.4.** «*Восстанавливая единство: философия троичности*» осуществляется рассмотрение наброска «позитивной философии» Булгакова — его философии троичности, представляющей собой воссоединение онтологии, эпистемологии и этики — объединение, которое находит своё логическое обоснование в тринитарной структуре творения. Личностное начало, присутствующее во всяком познании, должно также неким образом присутствовать и выражаться в самой структуре вещей, в онтологии. Для Булгакова это необходимым образом означает, что единство мира обладает тринитарной природой. Откровение Бога как Троицы равняется откровению Бога как Личности и таким образом означает личностно-тринитарную природу мира, созданного *по образу и подобию Божьему*. Единство мира как любовь, как *всеединство*, может быть познаваемо только изнутри и как проявление межличностного единства-в-любви, в совпадении *соборности* и *цельного знания*. Именно обусловленность знания любовью делает булгаковский союз онтологии, этики и эпистемологии отчётливо тринитарным проектом.

В целом, вторая глава показывает, что в осмыслении философии Булгаков следует путём, характерным для своего времени и для своей национальной среды. Как и другие русские философы, он говорит об обусловленности и ограниченности всякого дискурса. Не признающих эту обусловленность философов он называет «философскими» еретиками, поскольку они не оставляют места для тайны сверх-рационального. Новоевропейская философия стремилась не замечать антиномической природы бытия и мышления, считая, что разум может полностью постичь действительность; кульминацией этого процесса стал гегелевский панлогизм. С антропологической точки зрения этот процесс дополнялся становлением независимого, самоцентрированного субъекта. В попытке сформулировать проблемы, возникающие при понимании личности как автономной и независимой, Булгаков проводит то, что может быть названо деконструкцией новоевропейского субъекта. Обращаясь к основной христианской доктрине —

догмату о Св. Троице — он показывает, что из следующего за Кантом новоевропейского понимания субъекта нет никакого выхода во множественность Я, в «ты», а потому подлинная онто-гносеология должна строиться на основании соборности.

Булгаков показывает, что только *мысль, осознающая собственные пределы*, оказывается способной «просветиться», чтобы стать подлинным знанием — т. е. свободным осмыслением религиозных истин, на которые и так необходимым образом оказывается направлено любое подлинное мышление. Религиозные истины при этом доступны мышлению лишь частично, поскольку в самом основании мира лежат антиномии, пронизывающие все сферы бытия. Мир как единство может быть обоснован, если мы будем учитывать его тринитарный и личностный *первообраз*, свидетельствующий о том, что в основе человеческих отношений к миру и друг другу должна лежать любовь.

Сущностным условием доступа к такому целостному восприятию должно оставаться сохранение в человеческом сознании трансцендентности или, говоря иначе, сущностной инаковости Божественного во избежание имманентизма и его следствия — человекобожия. Это целостное восприятие не может быть объяснено в рамках дискурсивного мышления, но — в силу необходимости быть чем-то фундированным — должно быть фундировано религиозной верой, которой Булгаков в духе, характерном для русской религиозной мысли, усваивает коннотации «подвига». Вместе с тем, как подлинно пост-кантианский мыслитель, он задаётся вопросом о самих условиях, которые делают возможным подвиг веры в человеческом сознании. Эта важнейшая топика, которой посвящена **третья глава диссертации** «*“Борьба за трансцендентность” в “Свете Невечернем”*»: *метаксологическая метафизика С. Н. Булгакова*», оказывается в центре «гносеологического введения» книги.

Изложение в главе строится на основе логики, имманентной самому изложению, предпринятому во введении к «Свету Невечернему». Можно заметить, что то, как Булгаков утверждает онто-гносеологическую инаковость Бога, может быть описано с помощью схемы концентрических окружностей: он последовательно движется от более общего понятия к более частному, исследуя их природу в трансцендентальном аспекте. Булгаков начинает с самого широкого явления — религии, которая понимается как связь с реальностью за пределами нашего эмпирического мира. В центре религии лежит вера, которая находится в центре нашего внимания в **параграфе 3.1.** *«Религиозная вера и сохранение божественной инаковости»*. Вера является местом встречи трансцендентного и имманентного. В отношении веры важными становятся вопросы о её соотношении со знанием и о её трансформативном характере. Вера не находится в оппозиции к знанию, они обладают принципиально разной направленностью. В тоже время вера обладает жертвенным и трансформирующим характером, освобождая человека от эгоистического самоутверждения.

В центре веры находится молитва, которой посвящён **параграф 3.2.** *«Феноменология молитвы и децентрированный субъект»*. Молитва понимается как акт человеческого само-трансцендирования и как таковая она становится местом, где реально присутствует Трансцендентное, что оказывается возможным в силу аскетических усилий, направленных на освобождение от эгоистического самоутверждения.

А в центре молитвы лежит «имяславие» — акт именованя Божества в молитве, которому посвящён **параграф 3.3.** *«“Пресечение двух миров”: философия имени Божьего»*. Имяславие понимается в данном случае Булгаковым не как учение, а как «трансцендентальное условие молитвы, конституирующее возможность религиозного опыта»¹⁴⁰. Рассмотрение

¹⁴⁰ Булгаков С. Н. Свет Невечерний. М.: Республика, 1994. С. 26.

природы этого акта, лишь кратко намеченное в «Свете», тематически связывает изложение со следующей большой книгой Булгакова, «Философией имени». Такой трансцендентальный «углубляющийся» анализ религиозного сознания и религиозного опыта позволяет Булгакову показать то, как ограниченность дискурсивного разума снимается в подлинной экзистенции, вступающей на пути, которыми достигается познание Божества.

Наконец, в последнем **параграфе 3.4.** «*Эсхатологическая эпистемология*» диссертации наше внимание вновь оказывается приковано к оппозиции вера / знание, а точнее к *неабсолютному характеру* этой оппозиции, которая должна упраздниться в эсхатологической перспективе ввиду того, что вера станет абсолютным знанием.

В целом третья глава исследования демонстрирует, что в середине 1910-х гг. основной задачей, которую Булгаков решал в своём творчестве, стала необходимость отстаивания самостоятельной и объективной природы религии. В дискуссиях с немецкой и русской мыслью того времени, ему было важно показать, что религия не может быть редуцирована до какого-либо из отдельных её измерений — этического, аффективного, терапевтического и т. д. В то же время он уже выступает как отчётливо православный мыслитель, указывая что для подлинного мышления о Боге необходимым становится опыт живой веры, характеризующийся синергийной природой — открываемостью Трансцендентного в имманентности, что достигается за счёт «восхождения» человека в вере и молитве. Кульминацией этого опыта становится именование Божества, раскрывающее софийный потенциал человека.

Можно сказать, что высшая форма познания божественного и наиболее непосредственная форма выражения божественного обнаруживается в опыте религиозной жизни, наделяемой характеристиками художественного творчества и рефлексии. Человеческая свобода достигает полноты в «софианском» опыте, в котором свободная воля человека соединяется с волей божественной в едином действии, дающем жизнь космической красоте.

Заключение

В заключение проведённого исследования резюмируем его основные выводы. Для корректного понимания религиозной метафизики Булгакова необходимым условием является учёт бинарных оппозиций и антиномий, конституирующих его мышление, в частности фундаментальной оппозиции трансцендентное / имманентное. Булгаковское понимание не полностью соединяет и не абсолютно разделяет полюсы оппозиции, равно как и не примиряет их в некоем последовательном снятии. Иными словами, антиномии и бинарные оппозиции у Булгакова не снимаются в диалектическом процессе (Гегель) и не примираются в рационалистическом синтезе (Соловьёв), но утверждаются и мыслятся метаксологически — через сохранение оппозиции и субстантивацию *tertium*'а. Вместе этого Булгаков стремится удержать оппозиции, акцентируя внимание на природе границы между ними и на двойственном моменте встречи, когда трансцендентное открывается в имманентном, а имманентное само-трансцендируется, направляемое жадой трансцендентного. Именно сохранение божественной трансцендентности (при сохранении Его имманентного присутствия в мире) является важнейшей задачей для Булгакова. Это сохранение возможно при соблюдении как онтологической, так и эпистемологической инаковости Бога, для чего необходимым оказывается (1) необусловленность творения Божественной природой в качестве его причины и (2) отсутствие «присваивающего» мышления, считающего, что Бог может находиться в мире только на условиях самого мышления.

Исходная интуиция Булгакова о сохранении границ в моменте встрече трансцендентного и имманентного во многом определяет метаксологический характер его метафизики, формируя его отношение к философии, которое находит выражение, в первую очередь, в «Свете Невечернем» и «Трагедии философии». Её «трагедия» заключается в соотношении её имманентной

природы и трансцендентных устремлений, заложенных в мифологических и религиозных основаниях любого философствования. Иными словами, имманентный характер мышления, которое всегда находится «внутри» и никогда «снаружи», вступает в противоречие с желанием найти трансцендентную позицию «взгляда с позиции Бога». Личностная и субъективная природа всякого мышления оказывается неустранимой. В том случае, если человеческая мысль не смиряется осознанием антиномий, она становится «люциферианской», т. е. стремится поставить человека в центр мироздания, изводя из него и его характеристик окружающую действительность.

Трансцендентные устремления философии свидетельствуют о её нерасторжимом родстве с богословием. Однако Булгаков совершает инверсию Гегеля, ставя именно философию в более низшее положение, поскольку у неё нет доступа к мистическому измерению бытия. «Теологизируя» автономную философию, Булгаков даёт понять, что для него нет никакого «секулярного» пространства мысли: философия в конечном итоге может быть только направлена либо к Богу, либо *от* Него. Так критика модерна, осуществляющаяся постмодерными, по сути, путями — через признание обусловленности любой универсальности и конституирующую важность Другого, выводит нас в домодерн: к поиску опоры в сверх-рациональном. Это, однако, уже пост-кантовский домодерн, начинающий всегда с определения условий познания.

«Богопротивной» для Булгакова является практически вся новоевропейская философия, направленная на «люциферианское» утверждение автономности человека. «Имманентизируясь», философия теряет холистическое измерение и распадается на частности как в методологическом (различные школы и направления — «ереси»), так и в дисциплинарном (автономизация эпистемологии, онтологии, этики) аспектах.

Дискурсивность же подлинной философии, по Булгакову, должна дополняться учётом тайны религиозного опыта, в котором открывается Трансцендентное, составляющим основное содержание веры. Содержание этого опыта является индивидуальным, вследствие чего становится возможной религиозная философия — как личностная герменевтика истин откровения. Вместе с тем в опыте есть объективное (то есть интерсубъективное) «ядро», которое позволяет сформировать догматический компонент религии и сообщество верующих (Церковь).

Между верой и разумом нет ни противоречия, ни эпистемической иерархии — это разные реальности с принципиально иной направленностью. Вера направлена на трансцендентное, тогда как знание остаётся в границах эмпирически данной реальности. Направленность веры на трансцендентное постулируется Булгаковым как условие её объективного характера.

Осознание ограниченности дискурсивного разума приводит к эпистемическому смирению. Здесь Булгаков переходит на пути православной традиции, утверждая неразрывность апофазы и аскезы: наше «знание» Бога находится в прямой корреляции с нашим духовным состоянием. Ядром веры является молитва, которую Булгаков в соответствии с решаемыми задачами определяет также как реальность, направленную на трансцендентное (и тем самым одновременно направленную на само-трансценденцию человека), а ядром молитвы — призывание Имени Божьего. Это призывание является перформативным: в нём реально присутствует Бог, который откликается на призыв человека. Понимание молитвенного поминовения Имени Божьего как места реального присутствия Бога выводит нас на отдельную сложную тему — символистско-реалистскую философию языка Булгакова, изложенную им в «Философии имени», согласно которой язык — суть не просто способ для передачи мышления о божественном, но сам по себе теологически релевантный элемент, отражение вечного Логоса.

Булгаковская «борьба за трансцендентность» в «Свете Невечернем» привела его к начертанию контуров целостной метаксологической метафизики, которая сочетала бы в себе субъективное и динамическое понимание природы религиозного сознания, унаследованное от немецкого идеализма, с отличительными чертами православного богословия, включая его противоречивое единство мистического и рационально-дискурсивного аспектов. Такая метафизика, на мой взгляд, способна предоставить концептуальные инструменты для подлинно антиномического представления содержания откровения и при этом не впасть в имманентистские способы мышления, редуцирующие божественную инаковость.

Признавая фундаментальную роль веры, молитвы — как общей, так и личной — и кенотической само-трансценденции, достигаемой в акте молитвы, для религиозного мышления, Булгаков возвращает нас в первые века христианства, к самой его природе, когда религиозное мышление и религиозная практика не были разделены, пытаюсь в то же время сохранить наше посткантIANское и постмодерное сознание.

Стремясь воссоединить спекулятивное мышление о религии с живым опытом веры, Булгаков символизирует домодерную духовность, но в то же время он предвосхищает и многие прозрения постмодернистской философии с ее вниманием к теме инаковости и критики онтологического мышления. Это ясно показывает, как Булгаков видел задачу мышления о Боге: если необходимо задаваться вопросами о сущности Бога, то эта сущность должна быть сущностью собеседника. Эта неразрывная связь между спекулятивным мышлением о религии и духовностью найдет свою вершину позже в основных богословских трудах Булгакова, но *in nise* содержится уже в «Свете Невечернем». Именно к этому приходит Булгаков, когда указывает, что основным содержанием религии является не абстрактное «Бог есть», но личностное «ЕСИ».

Апробация результатов исследования

Публикации по теме диссертации:

Работы, опубликованные автором в журналах, индексируемых в международных базах индексации и цитирования, а также входящих в список журналов высокого уровня НИУ ВШЭ:

1. *Ильин И. Ю.* С. Н. Булгаков и его философия русской литературы: духовный опыт писателей // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 3. С. 40–55.
2. *Ильин И. Ю.* Религиозная философия как опыт богопознания: С. Н. Булгаков и С. Л. Франк о взаимоотношении философии и религии // *История философии*. 2020. Т. 25. № 2. С. 29–39.
3. *Ильин И. Ю.* На пути к религиозной метафизике: критика ницшеанского нигилизма в философии С. Н. Булгакова // *Вопросы философии*. 2021. № 10. С. 130–137.

Выступления на конференциях:

1. *Русский язык как основа бытия России (от петровско-пушкинской эпохи и далее)* (НИУ ВШЭ, Москва, 25–26.04.2019). Доклад: «Духовный опыт русских писателей: С. Н. Булгаков о национальной литературе».
2. *Русская религиозная философия в эпоху постсекулярности* (НИУ ВШЭ, Москва, 18.10.2019). Доклад: «Помогает ли религиозная философия христианину на пути к Богу?: ответ С. Н. Булгакова».
3. *Российские интеллектуалы–изгнанники в 1919–1945 гг.: Прага, София, Белград* (НИУ ВШЭ, Москва, 14–15/22–23.05.2020). Доклад: «Научно-педагогическая деятельность С. Н. Булгакова в Праге: Русский юридический факультет и Братство Св. Софии».
4. *XI международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения»* (НИУ ВШЭ, Москва, 07–10.10.2020).

Доклад: «Una Sancta: природа Церкви и вопрос о христианском единстве у С. Н. Булгакова».

5. *Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли* (ИФ РАН, Москва, 21.04.2021). Доклад: «Религиозно-общественный идеал С. Н. Булгакова (философская публицистика 1900-х гг.)».
6. *Сад расходящихся троп: Флоренский, Дурьлин, Булгаков, Розанов et cetera* (РГГУ, Москва, 14–16.05.2021). Доклад: «Фридрих Ницше в философии С. Н. Булгакова».
7. *Building the House of Wisdom: Sergii Bulgakov – 150 Years After His Birth* (Фрибурский университет, Фрибур/Фрайбург, 02–05.09.2021). Доклад: «“Transcende te ipsum”: Faith, Prayer and Name-Worship in *Unfading Light*».